

Андрей Троицкий

НАПРОЛОМ

РУССКИЙ ПРОЕКТ®

Майор Девяткин

Андрей Троицкий

Напролом

«Андрей Троицкий»

Троицкий А. Б.

Напролом / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», — (Майор Девяткин)

Нервный срыв, элениум и водка – эта гремучая смесь сводит с ума удачливого бизнесмена и... спасает ему жизнь. Как раз в тот момент, когда его должны убрать нанятые «близкими» киллеры, он бросает все и уезжает из города. В его бесцельных скитаниях по стране нет никакой системы, но убийцы снова выходят на его след, ведь «заказ» есть «заказ»... Другое название «Удар из прошлого»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	27
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Глава седьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Троицкий

Напролом

Глава первая

Предприниматель Виктор Окаемов доживал последние часы в онкологическом центре на Каширке. Острая лейкемия, сразившая молодого мужчину три месяца назад, прогрессировала слишком быстро, чтобы надеяться отбить, выцарапать у болезни хотя бы одну единственную неделю жизни.

Вечером буднего дня навестить Окаемова пришел его старый друг и компаньон Леонид Тимонин. Одноместная палата в конце коридора, которую занимал Окаемов, была не самым уютным местом на земле. Но здесь было чисто и светло. Тимонин разложил на столе гостинцы, хотя знал, что больной не возьмет в рот ни крошки, кормят его принудительно, через капельницу.

Окаемов вызвал Тимонина, чтобы переговорить с ним один на один, в отсутствии Сергея Казакевича, третьего партнера и совладельца фирмы.

– Я только что разговаривал с врачом, – бодро начал Тимонин. – Он говорит, что ты держись молодцом. Кажется, постепенно идешь на поправку. Анализы очень даже неплохие. Почти как у здорового человека. Возможно, потребуется пересадка костного мозга...

Окаемов вяло махнул худой рукой, давая понять, что времени слишком мало. И жалко тратить эти последние крохи на вранье.

– При моей форме лейкемии пересадку костного мозга не делают. Такая операция не имеет смысла.

– Ну, не строй из себя великого специалиста, – улыбнулся жалкой улыбкой Тимонин. – Тоже мне, мировое светило.

– Оставь. Врачи искололи меня капельницами, высосали всю мою больную кровь на анализы. Честно говоря, мое место в анатомическом музее, среди формалинных трупов. Да и оттуда меня скоро выбросят на свалку. Впрочем, в одном мне повезло. Меня не убили бандиты. Я умер от болезни.

Окаемому понравилась собственная черная шуточка. Он даже улыбнулся. Тимонин хотел что-то сказать, возразить, но промолчал. В эту минуту дверь в палату открылась, на пороге появился дежурный врач. Он посмотрел на часы и объявил, что время, отпущенное Тимонину на визит, закончилось.

– Пожалуйста, ещё пять минут, – попросил Тимонин.

– Хорошо, но только пять минут.

Врач закрыл дверь с обратной стороны. Окаемов быстро выдохся, его голос сделался тише, Тимонин придвинул стул к кровати, наклонился вперед, чтобы разобрать слова.

– Я составил завещание, – сказал Окаемов. – Все подробности ты узнаешь совсем скоро, когда я отброшу копыта. Завещание тебе понравится. Деньги не уйдут из нашей фирмы. А ты станешь богаче. Ты один. И еще... В сейфе у меня лежит кое-какая наличка. Раскидай её между моими дальними родственниками, потому что близких родственников у меня нет. Адреса на бумажке.

Окаемов показал пальцем на тумбочку. Тимонин увидел на крышке исписанный листок, сунул его в карман.

– Я все сделаю, как ты скажешь. Я подумал, ты захочешь что-то оставить своей любовнице. Как там ее? Катерине...

– Нет, отдай наличку из сейфа родственникам, – заупрямился Окаемов. – Катя в деньгах не нуждается. Она приходила ко мне один раз. Была такая нервная, напряженная. Любви-ница... Красиво сказано. Она живет с другим человеком. По правде говоря, я сам давно уже ни на что не гожусь.

Дверь снова открылась. Врач безмолвно посмотрел на наручные часы и покачал головой.

– Уже уйду, – ответил Тимонин, он хотел подняться.

– Подожди, – прошептал Окаемов. – Еще я хотел сказать про Казакевича. Он задумал одну аферу. Хочет двинуть наши деньги за границу. Перевести их в какой-то банк для покупки несуществующих товаров. Он предлагал мне союз против тебя.

– Я знаю обо всем, – кивнул Тимонин. – Я разговаривал с Казакевичем и сказал «нет». Пока я жив, у него ничего не получится. А я умирать не собираюсь.

Окаемов протянул руку, сил на пожатие у него не осталось. Он просто положил ладонь на колено Тимонина. И через минуту заснул.

* * * *

Ночь с субботы на воскресенье Леонид Тимонин провел в своем загородном доме на Рублевском шоссе в двадцати километрах от кольцевой дороги. Как и в предыдущие дни, Тимонин сильно напился, но и после обильных возлияний плохо спал, один за другим переживая нелепые ночные кошмары, словно чувствовал приближение большой беды.

Он часто просыпался, уголком наволочки вытирал с лица холодный пот и через минуту проваливался в новый ужас. На самом деле, на ночные кошмары преследовали Тимонина всю неделю, пока он пьянствовал. Но вот ночь заканчивалась, а утром сердце снова билось ровно и спокойно.

Леонид Степанович представления не имел, что после смерти Окаемова, решена и его судьба. Смерть уже заказана. Мало того, гибель Тимонина тщательно спланирована и срежиссирована, последние часы и минуты жизни расписаны.

По задумке убийц, Тимонин должен трагически погибнуть послезавтра, в понедельник, примерно в девять тридцать утра. В это время он, как обычно, переступит порог офиса, поднимется лифтом на седьмой этаж, где расположен его рабочий кабинет. Не успеет Тимонин положить портфель, как снизу, с первого этажа, позвонит деловой партнер и совладелец фирмы Сергей Казакевич.

Он попросит Тимонина срочно спуститься вниз по важному совершенно неотложному делу. Тимонин выйдет на площадку, вызовет кабину лифта. Двери откроются, но кабины не окажется на месте. В шаге от Тимонина глубокая пустая шахта. Тут вступят в дело армяне, охранники фирмы, две недели назад нанятые Казакевичем. Они дежурят на этаже, стоят у лифта, они примелькались. Поэтому присутствие армян не вызовет у Тимонина настороженности.

Охранники помогут Тимонину упасть в шахту лифта. Оглушат его и сбросят тело вниз. У Тимонина не останется ни единого шанса на спасение. Высота шахты, уходящей глубоко, на технический этаж, без малого тридцать метров. Внешне трагедия будет выглядеть пристойно и достоверно, как несчастный случай. Досадный, даже дикий, но все-таки несчастный случай.

И следствие вряд ли свернет с этой удобной накатанной версии. Лифт был неисправен, Тимонин вызвал кабину. Но она не пришла, когда автоматические двери открылись, он шагнул в шахту. Шагнул в свою смерть.

* * * *

В воскресенье, лежа в кровати, Тимонин смотрел в не зашторенное окно. Солнце, как вчера, как неделю назад, нещадно палило, а на небе не маячило ни единого облачка. Громким хриплым голосом он трижды позвал жену, но не услышал ответа. Тогда Тимонин встал, накинул на себя шелковый халат, расписанный цветными драконами, и глянул на часы. Уже полдень.

Тут он вспомнил, что жена Ирина Павловна ещё вчера в первой половине дня уехала к подруге на крестины годовалого сына. А повара и прислугу сам Тимонин отпустил к полудню, чтобы никто не видел, как он напивается до поросычьего визга. Тимонин вышел из комнаты, прошелся по коридору второго этажа, заглянул в спальню жены, может, вернулась. Никого. Кровать застелена.

Жена могла бы и позвонить, – решил Тимонин, уже готовый обидеться. Ах, да, он отключил телефоны вчера вечером. Прогулявшись по второму этажу, Тимонин завернул в ванную комнату, сполоснул лицо холодной водой. Спустился вниз, вставил в розетку телефонный шнур. Он прошел в каминный зал, повернул за стойку бара, достал из холодильника и поставил на круглый поднос пару пива и литровую бутылку водки. Потом вспомнил о закуске, вытащил завернутые в фольгу бутерброды с белой рыбой и плоску креветочного салата.

Неся перед собой поднос, вышел на середину комнаты, к низкому стеклянному столику, упал в кресло. Он опрокинул в себя первую утреннюю дозу и устался в темное чрево камина, облицованного голубой в белых прожилках керамической плиткой. Бездумное созерцание потухшего очага продолжалось долго, может, четверть часа или того дольше, но было прервано телефонным звонком.

Незнакомый мужчина спросил: «Это фирма „Юнион – Плей“? Вместо ответа Тимонин бросил трубку.

Еще месяц назад ему стало известно, то номер его дачного телефона почти полностью, с разницей в одну цифру, совпадает с телефоном диспетчерской службы фирмы «Юнион – Плей». Эта недавно открывшаяся контора, скрашивает мужской досуг, выписывая своим клиентам девочек на дом. Тимонин ещё тогда решил, что следует срочно поменять номер дачного телефона, но все откладывал это мелкое дело в долгий ящик. И вот теперь паршивые озабоченные кобели портят его досуг своими звоночками.

Тимонин съел пару ложек острого креветочного салата, не почувствовав его вкуса. Затем проглотил бутерброд. Тут телефон снова зазвонил. Тимонин, готовый разразиться матерной бранью, поднял трубку, но красноречия не потребовалось. Звонила жена.

– А, это ты, – сказал Тимонин.

– Здравствуй, милый, чем занимаешься? – спросила Ирина Павловна.

Тимонин плеснул в высокий стакан водки и пива.

– Работаю. Составляю договор о намерениях.

Он размешал водку и пиво пальцем, затем сунул палец в рот и обсосал его.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. А как прошли именины?

– Только не именины, а крестины. Все было на уровне. Я скоро приеду.

– Вот этого не надо. Не надо приезжать.

Тимонин помотал головой. Сейчас он испытал приступ головокружения. На пару секунд пол и потолок поменялись местами. Он запустил ладонь в карман халата, нащупал на его дне таблетки разной величины. Элениум, тизерцин, пиразидол...

– Сегодня я хочу побыть один, – сказал он. – Хочу поработать с документами. За неделю столько важных бумаг накопилось. Лопатой не раскидаешь. Бульдозером не разгребешь. Увидимся завтра, в понедельник. Целую. Люблю.

Разумеется, Тимонин соврал про дела и документы, потому что сейчас не хотелось никого видеть, тем более жену. Кажется, супруга обиделась, её голос зазвучал тускло.

– Хорошо, тогда увидимся завтра, – Ирина Павловна положила трубку.

* * * *

Тимонин посмотрел в угол, где стояли напольные часы в деревянном корпусе. Пять вечера, как быстро летит время. До назначенной смерти, до развязки трагедии оставалось рукой подать. Ничего не подозревающий Тимонин вытащил из кармана халата пригоршню транквилизаторов, без разбора ссыпал их в рот и запил лекарство забористым ершом.

– О-ля-ля, – сказал он самому себе.

Внезапно он ощутил странный приступ слабости, не удержал стакан, который выпал из вялой руки, покатился по полу. Ковер быстро впитал в себя остатки ерша. Минуту Тимонин неподвижно сидел в кресле, обхватив голову руками. Но силы вернулись так же быстро, как ушли. Тимонин поднял стакан, налил в него пива и водки.

...Тимонин запил неделю назад. В прошлую субботу, когда хоронили его близкого друга и компаньона, совладельца фирмы «Эскорт» Окаимова, сорока трех полных лет, умершего от острой лейкемии. Тимонин хорошо держался во время тягостной процедуры погребения и не менее тягостных поминок. Вернувшись домой, он заперся в спальне, сел на кровать и горько разрыдался. Отплакавшись, вытер слезы, прошел в комнату и проглотил стакан водки. Душу, словно вдоль и поперек прошитую грубой дратвой, немного отпустило.

Но Тимонин уже не мог остановиться, он сорвался с нарезки.

Телефон, кажется, не собирался молчать.

– Слушаю, – сказал Тимонин.

– Это фирма «Юнион – Плей»? – тонкий мужской голос, кажется, принадлежал человеку, которому минуту назад дверью прищемили половой член. – Я не ошибся?

Снова звонят в это проклятое агентство по выписке блядей на дом. На этот раз Тимонин сдержался без всякого усилия, не выдал матерную тираду и не бросил трубку. Даже улыбнулся. Сдобренные водкой транквилизаторы действовали быстро.

– Не ошиблись, – ответил он. – «Юнион – Плей» – это мы.

– А вы диспетчер?

– Совершенно верно, я и есть диспетчер, – подтвердил Тимонин.

– Понимаете ли, лично я уже обращался в ваше агентство, – владелец прищемленного члена подбирал слова осторожно, словно боялся сказать что-то грубое, не так выразиться. – И остался вполне доволен. Так сказать, вашим обслуживанием, контингентом. Ну, и вообще...

– Очень приятно, что вы довольны, – отозвался Тимонин.

– Сегодня у меня просьба деликатная. Я бы хотел вызвать женщину на сегодняшнюю ночь. Но не для себя, для друга. Но есть одна заминка... Мой друг инвалид.

– Ничего, – успокоил Тимонин. – Девочки обслуживают всех, даже инвалидов.

– А надо доплачивать? Ну, за то, что он инвалид?

– Не надо. Обычная такса.

– Но у моего друга есть и ещё один, так сказать, минус. У него проблемы с потенцией.

– Не беда, – ободрил Тимонин. – Наши девочки ему на домкрате поднимут. Все будет хорошо.

– Но у моего друга серьезные проблемы с потенцией. Очень серьезные.

– Послушай, – в голосе Тимонина появилась человеческая заинтересованность. – Если твой друг инвалид и импотент, зачем ему вообще нужна девочка? Ну, для какой цели? Чего без толку деньги тратить?

– У него день рождения. Хочется как-то отметить это дело. Чтобы запомнилось

– Купи своему другу выпить, вот он и отметит, – посоветовал Тимонин, которому уже наскучила эта игра, и положил трубку.

В течение следующего часа в «Юнион – Плей» звонили дважды. Первым оказался юноша, стеснявшийся разговора с диспетчером до колик, заикавшийся и часто повторявший слово «значит». Юноше требовалась женщина средних лет и зрелых форм. Вторым собеседником оказался старик с противным дребезжащим голосом. Старик, видимо, прижимистая сволочь, кобель со стажем, интересовался расценками: сколько нужно выложить, если девочка на ночь, и какова почасовая оплата.

Заикающемуся юноше Тимонин посоветовал вытереть сопли полотенцем и залезть к маме под юбку. Старик сказал, что девочки в одну постель с козлами не ложатся. На этом приятные разговоры закончились, телефон надолго замолчал. И неизвестно, сколько бы ещё клиентов распугал Тимонин, но в мыслях его началась великая путаница.

Если внешне поведение сидящего в кресле Тимонина выглядело вполне приглядно, то в голове его творились вещи странные, даже дикие. Если представить мозг Тимонина в виде сложного набора микросхем, то любой электронщик при виде всего этого безобразия не взялся бы за ремонт, руки опустил. Микросхемы коротили, пускали ядовитый дым, извергали фейерверк искр.

Да, дело с головой совсем плохо. Под черепной коробкой творилось хрен знает что, там перепутались какие-то файлы, которые никак не хотели расцепляться. Крыша потекла и стремительно ехала на сторону. Однако сам Тимонин признаков надвигающегося недуга не замечал. Напротив, к вечеру он чувствовал себя бодрым и полным сил.

За окном стемнело, на вымощенных плиткой улицах элитного дачного поселка, включили фонари, стилизованные под старину. Терявший ориентировку во времени Тимонин, сообразил, что выходной день подходит к концу, взглянул на часы. Минутная стрелка двигалась неестественно быстро. Но не поступательно, а как-то ритмично, порывисто. Она то обгоняла секундную стрелку, то вдруг замирала, подолгу стояла на месте и снова начинала свой бег, разгонялась, набирала скорость и опять замирала.

Тимонин не смог объяснить себе странного поведения стрелки, только подумал, что часы впору сдать в металлолом и переключил свое внимание на другое. Неожиданно у Тимонина начался приступ агрессии. В эту минуту кирпичный камин, выложенный светлой плиткой, напомнил ему лежавший на боку унитаза исполинских размеров. Тимонин встал, долго бродил возле поваленного на бок унитаза и думал невеселую думу, решая, какому великану пришло в голову нагадить здесь, в его доме, под носом хозяина.

– Ну, кто тут хочет нужду справить? – во всю глотку заорал Тимонин и горящим взглядом оглядел темные углы.

Желающих справить нужду он так не увидел. Тогда Тимонин снял с крюка увесистую литую кочергу. Он размахнулся и стал методично молотить кочергой по камину. Острый осколок керамической плитки порезал щеку Тимонина. Не почувствовав боли от пореза, провел ладонью по щеке, увидел кровь и только больше разъярился.

Тимонин сбросил с себя шелковый халат, оставшись в одних трусах, поплевал на руки. Он молотил кочергой по камину до тех пор, пока не осталось ни одной целой плитки, а наружу вылезла кирпичная кладка в проплешинах штукатурки. Только тогда Тимонин перевел дух, осмотрелся. Пол комнаты был завален битой плиткой.

Еще не остывший Тимонин, посмотрел на застекленные шкафы с книгами, шагнул к ним и замахнулся кочергой. Однако в последний момент почему-то передумал и не тронул

шкафы. Он допил водку из горлышка и пару раз звезданул кочергой по стеклянному столику. С хрустальным звоном стол рассыпался на сотни, на тысячи мелких стекляшек.

Тимонин бросил свое оружие на пол. Поднявшись наверх, в свою спальню, упал поперек кровати и провалился в очередной кошмарный сон.

* * * *

В понедельник Тимонин проснулся в семь тридцать утра. Он прошел в ванную комнату, освежился под душем, побрился, почистил зубы и заклеил пластырем порезанную щеку. Первый будний день недели покатился по накатанной колее.

В восемь часов десять минут Тимонин закончил завтрак, поблагодарил домработницу. Женщина робела перед хозяином, она не решилась спросить, почему в каминном зале царит полный разгром. А Тимонин за едой молчал. Он вернулся в спальню, надел синий костюм, светлую сорочку и галстук в красную полоску. Из кабинета взял плотно набитый портфель.

Служебный «Мерседес» остановился перед домом ровно в восемь с четвертью. Тимонин спустился с высокого крыльца, занял заднее сидение. В ранний час Рублевское шоссе уже было забито служеными машинами больших людей. Тем не менее, через полчаса «Мерседес» подъезжал к самому началу Тверской улицы. Тимонин тронул водителя за плечо и велел остановиться возле Центрального телеграфа.

– Я на пять минут, – сказал Тимонин водителю.

Выбравшись из салона, он затерялся в людском потоке. Он не вернулся к машине ни через пять минут, ни через десять, ни через час. Водитель ждал босса два с половиной часа, затем поехал в офис. Но Тимонин в тот день не появился ни на работе, ни дома. Он не вернулся и во вторник. И в среду...

Тимонин просто вышел из машины и исчез неизвестно где.

Глава вторая

Задержание рецидивиста и беспредельщика Петра Горбунова, три месяца назад бежавшего из колонии строгого режима, милиционеры, коротко посоветовавшись, назначили на пять вечера.

Беглые рецидивисты – не частые гости в сонном провинциальном Степановске. К этому мероприятию, по здешним меркам, мероприятию чрезвычайному, экстраординарному, заместитель начальника горотдела милиции майор Юрий Иванович Девяткин привлек все силы, имевшиеся в наличии. Не сказать, чтобы этих сил было в избытке. Скорее наоборот, людей по пальцам считать.

Девяткин долго перебирал тех, кого можно взять на эту операцию. Насчитал троих: самого себя, бывшего борца Савченко, к своим сорока годам дослужившегося аж до сержанта, и младшего лейтенанта Афонина, год назад окончившего среднюю школу милиции. Девяткин решил, что Горбунова, четвертый день пившего водку на хате своей сожительницы Усовой, они повяжут и втроем. Нужно лишь немного везения.

Из соображений конспирации на операцию выехали в гражданской одежде и не на милицеском канареечном «газике», а на личных «Жигулях» Девяткина. Трущобная городская окраина, застроенная бараками и хозяйственными постройками, утопала в горах не вывезенного мусора и зелени тополей. К бывшему общежитию текстильной фабрики, ныне жилому дому, подъехали в шестнадцать тридцать. Девяткин подогнал машину вплотную к шерботому штакетнику забора. Хорошая маскировка – разросшийся с противоположной стороны забора куст сирени, цветы которой уже обломали местные кавалеры.

Деваться Горбунову некуда, – решил Девяткин. С этой стороны дома – милиционеры. За домом открытое пространство, не спрячешься, там тянулись засаженные картошкой и зеленью огороды местных жителей. Кое-где попадаются небольшие грядки клубники, похожие на свежевыврытые могилы. Поэтому огороды напоминают кладбище. Дальше тянется до горизонта кочковатое поле.

С водительского места хорошо просматривался вход в единственный подъезд двухэтажного деревянного здания, украшением которого стала четко выписанная табличка, прибитая на углу: Хомутовский тупик 10. Тесная квартира Усовой точно над козырьком подъезда, похожего на крысиную нору.

В шестнадцать сорок пять, когда милиционеры проверили оружие и уже готовы были выйти их машины, небо потемнело, будто вдруг наступил поздний вечер, на лобовое стекло упали крупные капли. Спустя пару минут хлынул проливной дождь. В окне над козырьком подъезда вспыхнул свет. На белую матерчатую занавеску легла отчетливая тень мужчины. Кажется, он курил. Тень задвигалась, взмахнула руками и, наконец, исчезла.

– Вылет откладывается, подождем немного, – Девяткин посмотрел на часы. – Скажем, на полчаса.

– Да, спешить некуда, товарищ майор, – отозвался с заднего сидения Савченко. – Хорошо, что дождь. Хоть жара на убыль пойдет. И мокнуть не хочется.

Девяткин усмехнулся.

– Я не боюсь ноги промочить, особенно твои ноги. Просто показалось, в окне Горбунов. Может, повезет, он побежит, побежит и завалится спать. Нам же работы меньше.

– А как вы узнали, что Горбунов здесь лежбище устроил? – сидевший на переднем сидении белобрысый Афонин заерзал от любопытства. – Ну, что он у своей марухи?

Девяткин загадочно ухмыльнулся.

– Сведения из закрытых источников, – лаконично ответил он. – Оперативных.

* * * *

Много говорить, что-то объяснять сейчас, перед важным делом, не очень хотелось. «Оперативным источником» стал престарелый ханыга Вазюкин, переступивший порог милицейского кабинета вчерашним утром. Старик Вазюкин числился внештатным осведомителем, но информация, которую он время от времени приносил в клюве, была скудной, не слишком ценной. Касалась она главным образом почему-то краж сушившегося на веревках белья.

«Опять ты про тряпье рассказать хочешь?» – Девяткин с тоской взглянул на пенсионера. Вазюкин многозначительно поднял кверху кривой указательный палец, порыжевший от табачного дыма. Рука Вазюкина дрожала то ли от напряжения, но, скорее, с похмела. Скорчив плаксивую рожу, пенсионер, как ни странно, сообщил нечто важное.

На квартире своей сожительницы Гальки Усовой объявился здешний уроженец, можно сказать, знаменитость районного масштаба Петр Иванович Горбунов, бандит и убийца, за почти двухметровый рост и богатырское сложение носивший кликуху Клоп. Сорок шесть лет отроду.

На Горбунове висят три мокрых дела. И это только доказанные эпизоды. Шесть судимостей, два побега. Последний – из зоны строгого режима во Владимирской области. По-хорошему, его бы давно к теплой стенке поставить. И пулю в затылок. Но не сложили ещё той стенки и не отлили ту пулю.

Выспросив у старика все подробности, Девяткин открыл сейф и выдал внештатнику премиальные: три поллитровки поддельной водки, двадцать ящиков которой конфисковали на местном базаре неделю назад. Вазюкин с достоинством принял вознаграждение, бережно, как малых младенцев, запеленал бутылки старой газетой и, выпрямив гордую спину, удалился. Девяткин откатил кресло на колесиках к стене, водрузил ноги на письменный стол и стал размышлять.

Бежать из колонии, чтобы вернуться к немолодой сожительнице Усовой, некрасивой костлявой женщине. На хату, которая на милицейском прицеле, где наверняка повяжут... Нет, это выше логики нормального человека. До такого решения дойти надо, точнее, допиться. У этих рецидивистов никакой фантазии. Тоже цвет бандитского мира. К вечеру Девяткин проверил информацию Вазюкина через свою хорошую знакомую, соседку Усовой по коридору. Все точно: Горбунов появился у своей сожительницы третьего дня, с тех пор пьянствует, не выходя их квартиры.

Усова по три раза на дню гоняет на станцию, в тамошнем магазине огненная вода – самая дешевая. Девяткин установил наблюдение за квартирой, посадив оперативника на чердак ближайшего к дому Усовой дровяного сарая. Сегодня в шестнадцать часов снял наблюдение: полный порядок, клиент на месте, можно паковать.

...От нечего делать Девяткин курил, стряхивая пепел через полуопущенное стекло, и думал, что хорошо бы взять на эту операцию ещё пару сотрудников. Но с кадрами проблема. Во-первых, лето – пора отпусков и болезней. Даже начальник горотдела Ефремов якобы отлеживается с ангиной, а на самом деле окучивает картошку на дачном участке. На хозяйстве остался он, Девяткин. Во-вторых, сегодня суббота, особый день.

Степановск, прежде бывший рабочим поселком, неизвестно за какие заслуги пять лет назад получил статус города районного подчинения. По субботам городок, не просыхавший и в будни дни, просто утопал в водке. Поэтому субботний вечер для милиционеров – страдная пора. Драки, выяснение супружеских или родственных отношений местные жители почему-то откладывали именно на субботу. Словно между собой сговорились, словно по будням нельзя решить семейные проблемы, кулаком жену приложить, детям шеи намылить.

Все эти страсти, подогретые водочными парами, часто заканчиваются жестокими драками, а то и поножовщиной. К ночи все четыре камеры предварительного заключения горотдела наверняка будут битком набиты пьяным народом. В конторе Девяткин оставил два милицeйских наряда, один из которых уже выехал на вызов, дежурного по КПЗ и ещё человека на телефоне.

Кроме того, сегодня танцы в клубе железнодорожников, пустить на самотек это мероприятие Девяткин не имел права. В клубе, как всегда, будет большая драка, можно сказать, побоище между местечковыми парнями и их всегдашними противниками из поселка Знаменский. Этим не лень приезжать сюда, за десять километров только, чтобы помахать кулаками и велосипедными цепями.

Добро, если дело кончится сломанными ребрами и синяками. В прошлом месяце на танцах зарезали студента, приехавшего на летние каникулы из Москвы. Парня с пятью ножевыми ранениями в живот обнаружили на земляном полу летнего туалета в тот момент, когда медицинская помощь ему уже не требовалась. Кровь сошла в вырубленное в полу загаженное очко. Сегодня Девяткин отрядил на танцы двух милиционеров, крепко подумал, и дал им в помощь ещё одного сотрудника, тем самым, исчерпав все кадровые резервы.

Проклятый город... Проклятый субботний вечер, когда нечем дышать, воздух, словно пропитан миазмами насилия.

Серенький денек незаметно растворился в серой мгле хмурого раннего вечера. Ливень сменился мелким дождиком, моросившим час кряду. Девяткин устать ждать, когда дождь закончился. Тяжелая туча уползла за горизонт, волоча за собой темный водяной шлейф. Низкое серое небо посветлело, свет в окне Усовой погас. Через минуту из подъезда вышла сутулая худая женщина с маленьким лицом похожим на фиолетовый кукиш. Женщина быстрым шагом проследовала вдоль дома и завернула за угол.

Девяткин смачно, до костяного хруста потянулся.

– Усова. На станцию пошла, за бутылкой. Ее хрен, скорее всего, дрыхнет. Выходит, не зря ждали. Одного Горбунова легче вязать будет. Да ещё сонного. Пошли.

– Можно задать вопрос, товарищ майор?

Афонин нервно сглатывал слюну. Это была первая крупная операция, в которой принимал участие младший лейтенант. Неожиданно для самого себя в последний момент Афонин так разволновался, что у него задергалось порозовевшее лицо и, кажется, уши тоже задергались.

– Спрашивай, если приспичило.

– Товарищ майор, в какой у нас план?

– План? – Девяткин поскреб пятерней голову, о плане он ещё не думал. – Ну, как какой план... Обычный план. Самый обычный. Действуем по обстановке. Входим и надеваем на Горбунова браслеты. Таков наш план.

Афонин остался не доволен столь коротким невнятным объяснением. Он хотел спросить ещё о чем-то, но новый вопрос застрял в горле. Девяткин отмахнулся, мол, некогда болтать. Милиционеры выбрались из машины, разминая затекшие ноги, быстрым шагом направились к подъезду. Но ходу Девяткин отдал последнюю команду.

– Афонин, ты стоишь под окном, у подъезда. Савченко, со мной наверх.

– Слушаюсь, – отозвался Савченко.

* * * *

Подъезд крепко пропах сыростью, мышинным пометом и ещё каким-то отвратительным тошнотворным запахом, происхождение которого Девяткин в первую минуту не смог определить. Наконец, дошло. Дом старой постройки, без особых удобств, два туалета на этаж. Жен-

ский и мужской. Выгребная яма полна под завязку. Лето, жара... Девяткин не стал доводить до конца не слишком эстетичные мысли.

Полумрак, деревянная лестница в два пролета со стертými ступенями и утлыми отполированными человеческими ладонями перилами протяжно заскрипела под башмаками дюжего Савченко. Прошагав несколько ступенек, Девяткин оглянулся, сверху вниз глянул на подчиненного и, округлив глаза, скорчил страшную рожу и беззвучно зашевелил губами. Савченко понял смысл произнесенных слов, стал ступать на носки, но лестница все равно скрипела.

На втором этаже буйствовали уже человеческие запахи и звуки. Пахло подгоревшим луком и кислой капустой. За ближней дверью сладким женским голосом пел то ли телевизор, то ли радиоприемник. Прямой темный коридор тянулся вдоль всего этажа и упирался в торцевую стену с мутным подслеповатым окошком. Слава Богу, никого из жильцов не видно.

Девяткин расстегнул верхнюю пуговицу темно серого три раза надеванного пиджака, вытащил из подплечной кобуры пистолет. Держа оружие дулом вниз, передернул затвор. Тихо ступая по сухим доскам пола, Девяткин быстро зашагал вперед, но вдруг остановился, как вкопанный.

Дверь квартиры Усовой под счастливым тринадцатым номером, находящаяся с левой стороны, точно посередине коридора, широко распахнулась.

Порог переступил дюжий мужик в белой майке без рукавов и темных тренировочных брюках. Мужик захлопнул за собой дверь, сделал три шага навстречу вросшему в пол Девяткину, на секунду замер на месте. Повернувшись через плечо, мужик в длинном прыжке достиг двери, толкнул её локтем. Через секунду с другой стороны звякнула металлическая цепочка, на два оборота повернулся замок.

– Черт, мать твою, – выругался Девяткин. – Клоп.

И припекло же Горбунову справить нужду именно в тот момент, когда за ним пришли. Девяткин бросился вперед, стукнул в дверь кулаком.

– Открывай, Горбунов, к тебе гости пришли.

Он дважды ударил по двери подметкой ботинка.

– Сейчас открою, – отозвался вежливый Горбунов. – Минуточку, пожалуйста.

Тишина. Девяткин, услышав из комнаты характерный металлический звук взводимых ружейных курков, рухнул на пол. Старшина Савченко, сообразивший, что к чему, остался на ногах, прижался спиной к стене. Выстрелы грянули, будто орудийные залпы. Картечь, выпущенная из двух стволов охотничьего ружья двенадцатого калибра, снесла почти всю верхнюю часть старой деревянной двери.

Противоположная от двери стена коридора брызнула сухими щепками. Запахло горелым порохом. Было слышно, как Горбунов завозился с ружьем, перезаряжая его.

Девяткин отполз от двери, спиной к стене сел на корточки.

– Клоп, лучше сдайся по-хорошему, – громко сказал он. – Тебе не уйти. Дом окружен.

– Не трахай мне мозги, – заорал Горбунов. – Кем окружен этот сраный дом? Одним тобой окружен? Только сунься, сука. Отделаю, как корову на бойне.

– Не дури, – миролюбиво ответил Девяткин. – Не валяй дурака. Ты умный мужик, мы с тобой договоримся.

– Договорился волк с овцой.

Девяткин, сидя на корточках, тянул время, чтобы принять правильное решение. Стены коридора прочные, из круглого леса. Такие не прострелишь картечью даже из ружья крупного калибра. Но что дальше? Возможно, у Горбунова не только одно ружье. Может, под рукой у него пистолет или что похуже. Но решить эту головоломку отсюда, из коридора, не представляется возможным.

– Будь умным мальчиком, – сказал Девяткин. – И мы с тобой поладим.

В коридоре было слышно, как Горбунов переломил ружье и загнал новые патроны в патронник. Цокнули взведенные курки. Звякнула бутылка. Видимо, Клоп допил остатки водки. Савченко, прижавшись спиной к стене, беззвучно матерился. Его лицо лоснилось от пота. Правой рукой он держал пистолет, левом рукавом пиджака вытирал жаркую испарину. Девяткин знал эту особенность Савченко, обильно потеть в минуту опасности.

В коридоре стали открываться двери. Жильцы, высовывались из квартир.

– Не выходите в коридор, – крикнул Савченко. – Здесь вооруженный преступник.

Но грозное напоминание оказалось лишним. Любопытство быстро пошло на убыль. Открытые двери снова захлопывались. Люди накидывали цепочки и запирались на все замки. Савченко понизил голос до интимного шепота.

– Что, попробуем живым взять? Или как?

– Попробуем, – кивнул Девяткин.

Сейчас он сильно сомневался, что эта попытка окажется удачной.

* * * *

Горбунов одной правой рукой держал за ложе внешнекурковую двустволку ТОЗ. Указательный палец положил на спусковые крючки, направив ствол на развороченную дверь. Он отступил спиной к окну, свободной рукой схватил тряпчатую занавеску и с силой дернул её на себя. Затрещала ткань, деревянный карниз грохнулся вниз, на круглый стол, стоявший у подоконника.

Полетели на пол пустые бутылки, пепельница, полная коротких, докуренных до самого фильтра окурков, обглоданные куриные кости и кастрюля с холодной вареной картошкой. Горбунов схватил карниз и отбросил его в сторону, на продавленную софу, застеленную несвежими простынями. Затем, продолжая держать дверь под прицелом, ухватился за столешницу, опрокинул стол, освобождая себе дорогу к окну.

– Сдайся, – попросил Девяткин.

– Пошел ты, пидармон обиженный, – крикнул Горбунов. – Тварь ментовская. Перхоть. Ну, возьми меня за рупь двадцать. Учти, у меня тут килограмм тротила. Если ты, сука, рыпнешься, взорву эту халабуду со всеми жильцами. Мне терять не хера. Если сдохнем, то вместе с тобой.

– Сукин сын, – рявкнул Савченко. – Заткни пачку.

Молчание. Какая-то возня в комнате.

– Он блефует, – прошептал Савченко. Крупные капли пота капали с подбородка на пиджак и светлую сорочку. – Откуда у него тротил?

– Что, легавый, очко слиплось?

Надо что– то отвечать.

– Не хочешь по-хорошему, твое дело, – Девяткин не разрешил себе разозлиться. – Но лучше не доводи до греха. Бросай свою пуколку. И выходи с поднятыми лапками.

Горбунов не ответил. Он левой рукой справился со шпингалетами внутренней оконной рамы и распахнул створки настежь. Верхний шпингалет внутренней рамы уже опущен вниз. Горбунов поднял нижний шпингалет, дернул за ручку, окно не открывалось.

Он покосился назад, увидел ржавые шляпки гвоздей. Черт, рама прибита к оконному блоку. Горбунов сжал в огромном кулаке ручку, с силой дернул её на себя. Зазвенели стекла, ручка вместе с гнутыми гвоздями вылетела из рамы, осталась в кулаке Горбунова.

Девяткин слышал звон оконного стекла. Он уже представил себе, что происходит в комнате. Если Горбунов откроет окно, выберется на козырек подъезда, то по дежурившему внизу Афонину, пожалуй, можно заказывать панихиду. Пистолет Макарова против картечи – плохой вариант. Если дойдет до рукопашной, то верзила Горбунов за три секунды открутит бело-

брысую голову младшего лейтенанта и забросит её на крышу. Значит, надо... На раздумья не осталось времени.

– Слышь, Клоп, а правду говорят, что на СИЗО тебя петушили? – повысил голос Девяткин. – Ну, люди говорят... Будто ты возле парашаи спал и зонтиком закрывался. Правда?

– Заткнись, сука, – отозвался Горбунов. – Тварюга.

Он заскрипел зубами, от ярости руки чуть не ходуном заходили. На этот прием он не клонет. Нет, уже клюнул... Мент хотел вывести его из себя и, надо сказать, задумка удалась, он добился своего. Стоя спиной к окну, Горбунов сжал цевье обеими руками. Махнул прикладом ружья и с одного удара высадил подгнившую оконную раму. Еще удар, на козырек подъезда посыпались трухлявые деревяшки и битое стекло.

Сидя на корточках, Девяткин сунул пистолет в подплечную кобуру, расстегнул вторую пуговицу пиджака, выпростал руку из рукавов. Сняв пиджак, подбросил его вверх к развороченной картечью двери.

Горбунов уже поднял одну ногу, чтобы перешагнуть подоконник, когда увидел в коридоре то ли чью-то серую тень, то ли метнувшегося человека. По ту сторону порога слишком темно, не разобрать, что это за движение. Он инстинктивно согнул указательный палец, нажав одновременно оба спусковых крючка. Восемьдесят граммов картечи, выпущенные из обоих стволов, разорвали новый пиджак Девяткина в мелкие лоскуты. Картечины вошли в бревна противоположной стены, на пол посыпалась деревянная труха.

* * * *

Девяткин, словно подброшенный мощной пружиной, вскочил на ноги. Он двинул правой ногой в целую нижнюю часть двери, двинул так, что в стороны деревяшки разлетелись. Путь свободен. Девяткин прыгнул вперед, но обо что-то споткнулся в тесной двухметровой прихожей, упал на руки, перевернулся через голову, поднялся...

Горбунов уже выбросил стреляные гильзы, загнал новые патроны в патронник и собрался складывать ружье. Ему не хватило секунды, чтобы выстрелить. Мент кубарем вкатился в комнату, вскочил и бросился на растерявшегося Горбунова. Клоп схватился за ствол ружья, чтобы пришибить противника прикладом. Но двустволка слишком неудобное оружие для ближнего рукопашного боя.

Он отбросил ружье в сторону и пропустил удар кулаком в лицо. И в туловище... И в живот... Клоп пошатнулся, но устоял на ногах, даже не согнулся. Девяткин занес руку для нового удара, но Горбунов поймал мента на встречном движении. Резко выбросил вперед согнутую ногу, угодив коленом точно в пах противнику. От боли у Девяткина потемнело в глазах. И в этой крошечной темноте заплясали веселый танец кровавые козявки. Он потерял ориентировку в пространстве.

Застонав, согнулся, инстинктивно схватился за пах и получил удар по затылку. По голове будто не кулаком, а молотом хватили. Девяткин тяжело, как мешок с картошкой, рухнул на пол. Но дышавший ему в затылок Савченко уже вцепился в руки Горбунова, стремясь борцовским болевым приемом вывернуть кисти.

Двое дюжих мужчин примерно одно роста и комплекции, сцепившись друг с другом руками, добрых пару минут пытели у подоконника, пока Девяткин корчился на полу. Наконец, Горбунов вжал голову в плечи, откинул её назад. И ударил Савченко лбом по носу и губам.

Из носа сержанта брызнул кровавый фонтанчик. Милиционер охнул, ослабил хватку. Горбунов выдернул руки, размахнулся правой и прицельными ударами в ухо и в верхнюю челюсть уложил Савченко на пол. Падая спиной, тот выломал ножку лежавшего на боку стола, опрокинул тумбочку, тяжело ударился затылком об пол.

Не теряя времени, Горбунов перешагнул низкий подоконник, перекинул вторую ногу на козырек подъезда. Сделал шаг к краю, прикидывая, в каком месте безопаснее соскочить вниз.

Преодолевая боль в паху, Девяткин встал, схватил с пола ружье. Теперь он видел лишь широкую спину Горбунова, собиравшегося прыгать вниз с козырька подъезда. Девяткин, прижав локтем в бок ружейный приклад, выстрелил не целясь, навскидку.

Заряд картечи, попавший в спину, сбросил Клопа с козырька подъезда.

Стоявший внизу младший лейтенант Афонин потной от напряжения ладонью сжимал рифленую рукоятку Макарова. Он собирал в душе все свое мужество, всю волю до последней капли. Он мысленно готовил себя к жестокому единоборству с преступником. Но мужества и отваги не потребовалось, на этот раз Афонину нужно было лишь проворство, чтобы отскочить в сторону, когда дюжий Клоп с трехметровой высоты полетел вниз. Афонин успел прыгнуть под козырек и спас свою шею от перелома.

Горбунов упал лицом в глубокую лужу и пустил в грязную воду предсмертные пузыри. Изрешеченная картечью спина и затылок сочились кровью, в серых сумерках кровь казалась черной.

Через минуту невесь откуда появилась женщина в темной кофте с сумкой в руке. Поставив свою ношу на сухое место, она опустилась на колени в грязь, всхлинула и беззвучно заплакала, размазывая по одутловатому лицу мелкие слезинки. За спиной женщины неловко переминался с ноги на ногу младший лейтенант Афонин, бледный от волнения. Он испытывал неловкость, душевную подавленность. Афонин, не зная, что делать со своими слишком длинными руками, то совал их в карманы брюк, то снова вытаскивал.

Девяткин, за ним Савченко вышли из квартиры и спустилась вниз. Савченко на ходу вытирал платком кровь, сочившуюся с разбитых губ и носа. Девяткин морщился, шагал вразвалочку, с усилием передвигал конечности, будто вместо мошонки между его ног болталась пудовая гирия. И эта гирия болела, пробивая электрическими разрядами всю верхнюю часть тела, доставая чуть не до головы.

– Черт, яйца он мне, что ли раздробил своей коленкой? – подумал вслух Девяткин.

– Что-что? – переспросил Савченко.

– Ничего.

Спустившись вниз, Девяткин встал на краю лужи и наклонился над трупом Горбунова.

– Кажется, откинулся, Клоп, – сказал он.

– В принципе, могли взять его живым, – заметил Савченко.

– Мы и пытались взять его живым, в принципе, пытались, – ответил Девяткин. – Но в последний момент мне в голову пришла одна мысль. В принципе, зачем он нам живой нужен?

– Это верно, – согласился Савченко.

Услышав слова милиционеров, женщина заплакала в голос. В доме стали распахиваться окна. Из них далеко высовывались жильцы, понявшие, что опасность миновала и теперь их ожидает нечто интересное и очень увлекательное. Девяткин тронул за плечо стоявшую на коленях Усову.

– Слышишь меня? Принеси сверху одеяло или покрывало какое и накрой его. Здесь не цирк. Живей, а то через пять минут вся округа соберется. Савченко, в «Жигулях» рация. Свяжись с прокуратурой, скажи, что у нас труп.

– Слушаюсь, – Савченко быстро зашагал к машине.

Глава третья

Последние пять дней Тимонин жил в гостинице «Интурист» в подмосковном Сергиевом Посаде, развлекаясь ежедневными пешими прогулками по Лавре и городским окрестностям. И в это утро он начал с прогулки. Поймал машину, заехал на удаленную окраину и оттуда пустился в обратный путь к центру города.

Тимонин брел по утренней улице и наслаждался летним теплом и окружающей картиной. Видом неказистых, вросших в землю домишек, назначенных под снос. Он пребывал в лирическом настроении и вполголоса бубнил себе под нос стихи, давным-давно заученные наизусть. Прочитав строфы Ахматовой, он переключился на Пастернака.

– Навстречу мне, как баржи каравана, столетья поплывут из темноты, – в полголоса декламировал Тимонин.

Последние слова поэта показались необыкновенно важными, полными потаенного смысла. В эту минуту Тимонин шагал мимо деревянного, поехавшего набок здания почты. Через запыленную витрину он увидел тесный зал, пару колченогих столов. Посетителей в зале не было. Тимонин решил, что почта – это очень кстати. Почта – это как раз то, что сейчас нужно. Он просто не мог не поделиться поэтическими строками с кем-то из друзей.

Он вошел помещение, взял бланк телеграммы. Присел за столик в темном углу и написал пастернаковское двестишь на бланке. От себя добавил: «С чувством жму твою дружескую ногу». Это важное послание нужно отправить близкому другу, который поймет глубину поэтического образа. Сверху Тимонин написал адрес Юрия Девяткина, подошел к стойке и протянул телеграмму женщине в толстых очках. Та пробежала строки, подняла на посетителя удивленные глаза. Но не стала ни о чем спрашивать, просто назвала цену. Тимонин расплатился и вышел на улицу.

Его дальнейший маршрут проходил мимо хозяйственного магазина «Сделай сам». Тимонин замедлил шаг, решив, что глупо идти мимо магазина, полного позарез нужных в хозяйстве вещей, и не купить хоть что-нибудь. Потоптавшись у прилавка, Тимонин выбрал самый тяжелый молоток с длинной деревянной ручкой и ещё велел завернуть полкило трехсантиметровых гвоздей. Продавец ссыпал гвозди в металлическую банку.

Положив покупки на дно портфеля, Тимонин вышел из магазина и продолжил путь. Он попетлял по узким немощным улицам, наконец, вышел на центральную городскую магистраль и прогулочным шагом направился в сторону паркетного завода. По дороге Тимонину попало несколько забегаловок, но он не остановился. Ни голод, ни жажда не томили.

А вот витрина музыкального магазина привлекла внимание. За двойными стеклами красовались стеллажи со щипковыми инструментами, дальше, в глубине зала, выстоялись рядами баяны и аккордеоны. Посредине всего этого музыкального изобилия стоял, отливая черными лаковыми боками, старинный швейцарский рояль.

* * * *

Когда Тимонин вошел в магазин, ничего не подозревающий директор Вельдман в своем кабинете расставлял на доске шахматные фигуры. В это солнечное летнее утро Вельдману суждено было получить травму, пережить глубочайший эмоциональный шок и финансовый крах предприятия, с которым он связывал самые радужные надежды. Партнер по шахматам бухгалтер Луков потирал ладони. Эту партию он просто так не отдаст. Вельдман сделал ход, переставив королевскую пешку, Луков задумался над ответом.

Тимонин покружил по пустому торговому залу, часто останавливаясь, рассматривал ценники на гитарах. Пойдя на второй круг, он натолкнулся на рояль. На заре туманной юности Тимонин с отличием окончил музыкальную школу, но в последние годы, даже будучи пьяным, музицировал редко. Тимонин сел на круглый крутящийся табурет, поднял крышку и потыкал в клавиши пальцем. Единственная продавщица, сидевшая в углу зала, позабыв о скуке, не сводила с мужчины глаз. Наконец, она поднялась, подошла к роялю.

– Я вам чем-то могу помочь?

Тимонин многозначительно кивнул головой.

– Вы хотите что-то приобрести?

– Хочу, – сказал Тимонин.

Больше он не отвлекался на разговоры, продолжил музыкальные упражнения. Взяв несколько аккордов, убедился, что рояль хорошо настроен. Для разминки выдал собачий вальс и переключился на классику. Сыграл Бетховена «К Элизе» и «Лунный свет» Дебюсси. Тимонин взял последнюю ноту, опустил руки и пару минут сидел неподвижно с закрытыми глазами. Прекрасные мелодии словно ещё звучали в душе.

Продавщица, проскучавшая все утро в пустом помещении магазина, побежала к директору, сообщить, что появился солидный клиент, который присматривается к роялю.

Но директор Вельдман и молодой, но уже лысый, бухгалтер Луков, привлеченные звуками музыки, бросили шахматы, и сами вышли из кабинета. Они остановились на почтённом расстоянии от Тимонина и, как пауки за мухой, наблюдали за прекрасно одетым мужчиной, пробуящим инструмент.

Наметанным глазом Вельдман осмотрел Тимонина. Вычислил стоимость костюма, часов с золотым браслетом и алмазной булавки, украшающей шелковый галстук. По всем прикидкам выходило, что на круглом табурете сидит даже не человек, а мешок, доверху набитый зеленоватыми банкнотами крупного достоинства.

В это время Тимонин решил, что музыка Дебюсси слишком печальна и надо бы добавить в программу мажорную ноту. Нужно спеть, что-нибудь этакое, для хорошего настроения. Тимонин взял несколько аккордов и попробовал голос.

– А-а-а-а-а, – пропел он. – У-у-у-у.

Директор и бухгалтер приблизились к покупателю, делая вид, что наслаждаются голосовыми упражнениями. Они, часто переглядываясь, без слов понимали мысли друг друга.

– О-о-о-о-о, – пропел Тимонин и этим кончил разминку.

Затем он взял более высокую ноту и грянул «Нас утро встречает прохладой». Заканчивая второй куплет, он оглянулся на Вельдмана и Лукова. Мол, ну, что же вы, уважаемые, просто так стоите. Подпевайте. Директор едва сдержался, чтобы не запеть.

– Любимая, что ж ты, не рада, – выводил Тимонин.

В эту счастливую минуту Вельдман и Луков просто любовались Тимониным. За версту видно: перед ними солидный крутой мужик, возможно, знаменитый композитор или, бери выше, продюсер, знающий толк в инструментах. Этот пришел не за грошовой балалайкой. Этот обязательно возьмет рояль и расплатится наличными. «Хорошо бы так, – говорил себе Вельдман. – Ой, хорошо бы». Директор ещё не до конца верил, что рыбка клюнула.

В свое время, подбираясь к старинному роялю, Вельдман долго обхаживал вдову администратора Московской консерватории. Год назад за бесценок, за унижительные жалкие копейки, купил у старухи рояль, единственную по-настоящему ценную вещь в доме. Больная женщина нуждалась хоть в каких-то деньгах и уступила антиквариат без торга. Директор перевез дорогой инструмент в магазин. В ожидании покупателя рояль простоял несколько месяцев, занимая собой чуть не всю правую секцию.

Вельдман устал ждать, но не подумал снизить потолочную цену. Он знал, что это товар специфический, на любителя, на знатока. Рано или поздно покупатель с большими деньгами обязательно найдется.

И вот настала минута, пробил час...

* * * *

Когда Тимонин закончил песню, Вельдман с достоинством подошел к нему и представился.

– Директор магазина, Семен Михайлович Вельдман.

Тимонин привстал с табурета и с чувством потряс мягкую руку хозяина магазина.

– Вижу, вам понравился рояль? – спросил Вельдман.

– Понравился.

Тимонин вспоминал текст новой веселой песни, но слова ускользали.

– Такую игрушку стоит взять, – Вельдман погладил рояль с чувством, словно провел ладонью по бедрам молодой любовницы.

– Стоит взять, – подтвердил Тимонин.

– Не правда ли очень глубокий звук? – Вельдман настаивал на расширенном ответе. – Для настоящих знатоков, для ценителей музыки. Такого рояля в Москве с фонарями не найдете. Штучный экземпляр. Звук редкостный. Который трогает душу.

– Глубокий, редкостный, – согласился Тимонин. – Трогает.

Он выбрал тональность и запел «Я люблю тебя жизнь». Бухгалтер Луков подошел ближе и встал за спиной Тимонина. Вельдман поставил локти на крышку рояля, положил голову на раскрытые ладони. Он внимал песне и в эту минуту любил жизнь трепетно и нежно. Вельдман представлял, как на вырученные деньги достроит загородный особнячок и с доплатой поменяет подержанный «Форд» на новую «Ауди».

– Я люблю тебя снова и снова, – пел Тимонин.

– И снова, и снова, – поддержал директор и подумал, что покупатель слишком уж распелся. Надо бы и честь знать: сперва купи рояль, а уж потом пой на здоровье.

Выждав, когда песня закончится, Вельдман взял быка за рога и огласил долларовую цену, добавив, что это очень даже по-божески. Тут из-за спины Тимонина вылез бухгалтер Луков и от себя сообщил, что на самом деле инструмент стоит как минимум в полтора раза дороже.

Тимонин односложно согласился со всеми утверждениями директора и бухгалтера. Он вспоминал текст песни «Шел трамвай десятый номер», но окружившие его мужчины мешали воскресить в памяти полузабытые слова. Тут директор решился на главный вопрос:

– Значит, вы возьмете рояль? – спросил он.

– Возьму, – ответил Тимонин.

– Можно выписывать?

– Валяй, – кивнул Тимонин.

Ему уже порядком надоел толстый пристающий человек, который о чем-то брюзжит над самым ухом и мешает. Тимонин так и не вспомнил веселенькую песенку про трамвай. Попытался запеть «Я помню тот Ванинский порт», но оборвал себя на полуслове. Звуки музыки и песня больше не доставляли прежнего удовольствия, напротив, раздражали.

Но ещё больше раздражал человек, который все крутился рядом, вертелся, без конца задавал какие-то вопросы и, видимо, не собирался уходить.

* * * *

Не вставая с табурета, Тимонин наклонился к портфелю, расстегнул замок и долго копался в кожаном чреве. «За деньгами полез, – решил Вельдман. Надо же, столько налички с собой носит. И не боится. Но, с другой стороны, это по-деловому: расчет на месте».

Однако Тимонин вытащил из портфеля вовсе не наличку в банковской упаковке. Вельдман увидел в руке покупателя тяжелый молоток. И онемел. Он подумал, что произошла какая-то ошибка, а потом и вовсе перестал соображать. Тимонин размахнулся, занес молоток высоко над головой, едва не задев Лукова, и ударил по желтоватым клавишам, отделанным пластинкам слоновой кости.

Рояль жалобно звякнул, осколки костяной отделки разлетелись по сторонам. Тимонин ещё несколько раз шархнул по клавишам. Вельдман вышел из оцепенения, бросился вперед, повис на занесенной для очередного удара руке. Свободным кулаком Тимонин врезал директору по носу. Вельдман закричал от боли, упал на спину. Стукнувшись головой о кафель, на пару минут лишился чувств.

Отважная продавщица, шагнув вперед из-за спины впавшего в столбняк бухгалтера, повысила голос.

– Послушайте, гражданин. Вы... Послушайте, мужчина...

Тимонин ответил словами Маяковского.

– Я не мужчина, – сказал он. – Я облако в штанах.

– Послушайте...

Тимонин не слушал, он методично молотил по клавишам. Затем он встал на ноги, размахнулся и обрушил молоток на крышку рояля. Вельдман пришел в чувство и сел на полу.

– Помогите, – заорал он нечеловеческим голосом. – Люди, помогите.

После третьего удара треснувшая крышка, разломилась надвое. Луков с продавщицей, прижавшись спинами к стене, наблюдали за погромом. Тимонин сорвал крышку с петель, бросил обломки на пол, несколько раз саданул молотком по струнам. С металлическим тонким лязгом струны лопались, скручивались спиральями. Все, рояль накрылся одним местом.

Из служебного помещения выбежали дюжий коротко стриженный молодец в майке без рукавов. Молодой человек подрабатывал в магазине охранником, и все утро отсыпался в своей конуре после бессонной ночи, проведенной в объятиях студентки кулинарного профтехучилища.

Тимонин отбросил молоток в сторону. Он обрадовался, что, наконец, появился крепкий спортивный парень, достойный его кулаков.

Охранник, выставив вперед левую руку, пошел на противника, сблизился с Тимониным на расстояние удара. Тимонин накатил слева. Охранник, наклонив корпус, увернулся и двинул Тимонину справа в грудь и слева в челюсть. Тимонин устоял на ногах и даже улыбнулся неизвестно чему. Охраннику удалось провести только эти два удара. Других шансов Тимонин парню не дал, взял инициативу на себя.

Он выбросил вперед правую ногу, пнул охранника в щиколотку носком ботинка. Парень, не ожидавший такого хода, вскрикнул от боли. Тимонин выбросил левую ногу, и достал живота противника своим башмаком. А дальше стал работать кулаками. Пару раз ударил в голову, затем в туловище. Глотая кровь, охранник под градом сумел выстоять десять секунд – и то долго. Тимонин кончил дело мощным крюком в голову.

Противник отлетел в угол и сложился пополам.

* * * *

– Помогите, – пискнул оставшийся без защиты Вельдман.

Директор перебирал ногами, стараясь встать, но подметки скользили по скользкому полу. Тимонин поднял вертящийся табурет на металлической ножке и запустил им в голову директора. Вельдман получил тяжелый нокаут и больше о помощи не зывал.

Продавщица, решившая, что директор убит бандитом, закричала от ужаса. Выскочила из магазина, кинулась на дорогу. На середине проезжей части сломала каблук, упала на асфальт, едва не угодив под колеса грузовика. Но проворно вскочила, сбросила с ног туфли и скрылась в соседнем дворе.

Самым нерасторопным оказался Луков. Тимонин шагнул к двери и накиннул на ручки металлическую скобу, перерезав бухгалтеру путь к отступлению.

Луков, поняв что, пришла его очередь, заметался по пустому магазину между стеллажей. Бухгалтер бегал шустро и никак не давался в руки. Тогда Тимонин, уже запыхавшийся, сбросил на пол несколько гитар и пару тяжелых аккордеонов в чемоданах. Когда Луков споткнулся о препятствие, Тимонин по-звериному прыгнул вперед.

Ухватил бухгалтера за шиворот, поставил его на ноги и врезал по морде. Луков спиной отлетел на стеллаж, заставленный домбрами и балалайками, опрокинул его, разломав задом и спиной несколько инструментов. Луков встал на карачки и попытался уползти в подсобку. Но спасения не было.

Тимонин, словно подъемный кран, снова приподнял бухгалтера за шиворот. Луков, не желавший вставать, поджал ноги. Тогда Тимонин оставил бухгалтера стоять на коленях, взял с полки самую дорогую чешскую гитару. Держа гитару за гриф, Тимонин поднял её над головой и с размаху опустил на лысую бухгалтерскую голову, сделав Лукову испанский воротник. Тимонин хотел насадить на Лукова, как на шампуру, ещё одну что-нибудь.

Воспользовавшись замешательством нападавшего, окровавленный бухгалтер вскочил на ноги и как был, с гитарой на голове, убежал в подсобку, закрылся металлической дверью директорского кабинета. Лукова трясло, как в лихорадке. Он снял с головы гитару и долго рассматривал в зеркале свою исцарапанную голову похожую на красный мяч с ушами, шею в подтеках крови, изодранную рубашку.

– Что он со мной сделал? – повторял бухгалтер. – Что он, сука, со мной сделал?

От испуга Луков даже не догадался вызвать милицию.

Тимонин, уже выпустивший пар, нашел на полу молоток, взял портфель. Вытащив банку, зачем-то высыпал на пол трехсантиметровые гвозди. Подумал и раздолбал несколько аккордеонов. Напоследок расколотил молотком зеркальную витрину двойного стекла и ушел в неизвестном направлении.

* * * *

На самом деле понедельник не трудный день.

После сумасшедших выходных Девяткин пребывал в расслабленном состоянии. И занят он был не самым обременительным делом.

Устроившись в кресле, снял под столом тесноватые ботинки и стал листать протоколы, которые подчиненные состряпали в воскресенье. Слава Богу, на этот раз ничего серьезного в городе не случилось. Несколько административных правонарушений: семейные скандалы, мелкие драки, короче, семечки.

Ровно одиннадцать. Девяткин вытащил из нижнего ящика черную дубину и положил её на стол перед собой. Время заняться разъясниловкой среди правонарушителей. Девяткин не

брезговал черновой работой, которую можно поручить подчиненным или вовсе не выполнять. Он встал из-за стола, не надевая ботинок, подошел к зарешеченному окну, выходящему на узкую пыльную улицу, и задернул прозрачную занавеску.

Воспитательная деятельность – зрелище не для посторонних глаз. С кого бы начать? Девяткин сел, сдвинув протоколы на угол стола, нажал кнопку селекторной связи с дежурным.

– Приведи ко мне из камеры Клюева.

Пока дежурный выполнял приказ, Девяткин неспешно допил чай и сунул в рот сигарету. Через пару минут дежурный ввел в кабинет щуплого неряшливо одетого мужчину с пегими слипшимися волосами. Девяткин показал пальцем на стул и отпустил дежурного.

– Ну, что скажешь?

Девяткин мрачно сдвинул брови и посмотрел на задержанного таким страшным уничтожающим взглядом, что Клюеву показалось, по спине пробежала стая крупных муравьев, а редкие волосы на ногах зашевелились и встали дыбом. Клюев поежился и передернул плечами, как в ознобе.

– Что тут скажешь, гражданин начальник? Виноват, исправлюсь.

Прищурившись, Клюев покосился на дубину, лежавшую на столе. При ближайшем рассмотрении дубина оказалась вовсе не резиновой, а деревянной, крашенной в черный цвет, под резиновую. Если начальник засадит этим инструментом промеж спины, мало не покажется. На стену полезешь.

Девяткин копался спичкой во рту, выковыривая остатки завтрака. Он раздумывал над альтернативой: набить ли Клюеву морду или поставить его лицом к письменному столу, руки на столешницу, зайти сзади и с маху навернуть по худой заднице дубиной. Проверенный способ. Боль такая, что вырубает человека одним ударом. И Клюеву память: не сможет по-человечески посидеть за бутылкой, по крайней мере, неделю. Девяткин вытащил застрявшее между зубов мясное волокно и решил, что пора завязывать с диетической столовой.

Лучше он станет сам себе готовить завтрак, как было раньше. Точка, решено. По крайней мере, не будет изжоги и этого ежеутреннего ковыряния в зубах. Девяткин взял в руки дубину, но в последний момент передумал. Есть ведь ещё вариант: ограничиться строгим словесным внушением.

Как– никак Клюев не вокзальный баклан. Он по здешним невысоким меркам чуть не высшей пробы интеллигент, белый воротничок. Образование высшее, преподавал в железнодорожном техникуме, который три года назад успешно закрыли. Ладно, пускай Клюев пока живет и дышит. Но уж в следующий раз, когда он попадет в КПЗ, Девяткин дубины не пожалет. И уж тем более не пожалет самого Клюева.

– Ты где сейчас работаешь? – спросил Девяткин, хотя знал ответ.

– Временно безработный, – Клюев скромно опустил глаза.

– Точнее, тунеядец.

Клюев нашел в себе силы робко возразить.

– Сейчас тунеядство по закону не преследуется.

Девяткин, не терпевший пререканий в собственном кабинете, взорвался.

– А мне насрать, что там преследуется по закону, а что не преследуется. Ты, умник, залупа с сыром, через неделю положишь на этот стол справку с места работы. В этом паршивом городишке такие порядки: как я сказал, так и будет. Устроишься и принесешь сюда справку. Я не стану дожидаться, когда ты нажрешься и снова на жену с кулаками полезешь. Если через неделю не будет справки, считай, ты уже сел. Надолго.

– За что сел?

– Это уж моя проблема. Статей много, подберу тебе по знакомству что-нибудь этакое. Долгоиграющее.

Клюев тяжело засопел, задвигал мокрым носом.

– Сейчас на работу трудно устроиться. Очень трудно.

– Устроись, гад, если захочешь. На картонажной фабрике упаковщицы нужны. Иди туда сегодня же и пиши заявление.

– Так это ведь бабская работа.

– А ты что, мужик?

Девяткин смерил Клюева взглядом и вдруг рассмеялся собственной шутке, которая была не лишена смысла и даже остроумия. Клюев вытер со лба пот, он понял, что на этот раз пронесло, худшее позади. Начальник смеется, значит, он сменил гнев на милость и не станет молотить Клюева ни кулаками, ни своей страшной дубиной. Клюев перевел дух и выпрямил согбенную спину.

– Я потерял нравственные ориентиры, – пожаловался он. – В прежние времена я думал, что земля держится не на трех китах, а на трех рублях и ещё шестидесяти двух копейках. А теперь и не знаю, на чем мир держится... Может, на человеческой доброте?

– На терпении твоей жены, вот на чем, – сказал Девяткин. – И ещё на моем терпении. Не донимай меня своей гнилой философией. В следующий раз, когда жена пожалуется на тебя, когда ты поднимешь на неё руку...

– Я все понял, начальник, – Клюев шмыгнул мокрым носом. – Ни Боже мой. Не подниму. Ни в жисть.

– Дослушай, тупая жопа. Так вот, если ты ещё раз её тронешь... Нет, я передумал. Не стану я тебя на зону отправлять. Много для тебя, ублюдка, чести казенную баланду жрать. Поступим проще. Из этого кабинета тебя вынесут вперед ногами. Вперед твоими грязными паршивыми ногами.

Клюев обхватил руками голову и громко всхлипнул. Кажется, он собрался заранее оплакать свою безвременно оборвавшуюся жизнь. Девяткин продолжил:

– Ты знаешь, я своих слов не нарушаю. А медицинский эксперт напишет заключение, что ты отбросил копыта от сердечной недостаточности. Или от приступа радикулита. У тебя ведь радикулит? Вот и чудесно. Тебя сожгут, как бревно, и похоронят в безымянной могиле. Рядом с бомжами и шлюхами. Такими же отбросами, как ты. Похоронят там, потому что твоя жена не станет тратиться на похороны такого ублюдка. Потому что ей вспомнить нечего, кроме синяков.

Девяткин дал себе передышку, закурил.

– Сейчас же на фабрику бегу, – пообещал Клюев. – Одна нога здесь, другая уже на фабрике. Я и сам хотел туда идти устраиваться, но сомневался. Но теперь, поскольку вы рекомендуете... Поскольку вы советуете...

– Да, да. Очень тебе советую.

– Можно спросить? Правду говорят, что вы при задержании Клопа подстрелили?

Значит, уже весь город знает. Вот, даже сюда, в КПЗ, слухи дошли.

– Дверь у тебя за спиной, – сказал Девяткин. – Проваливай. На неделе придешь со справкой.

* * * *

Клюев снова согнул спину в вопросительный знак и неслышными крадущимися шагами вышел из кабинета. Девяткин заглянул в протокол. Клюеву полагается заплатить штраф, но денег у него, разумеется, нет. Значит, жене за мужа платить придется. Все правильно, все по справедливости: её избил, она же и деньги плати. Девяткин разорвал протокол вдоль и поперек, бросил квадратные бумажки в корзину.

Так, с Клевым он разобрался. Кто следующий?

Он заглянул в протокол. Некто Валуев. Опять старый знакомый, злостный алиментщик и пьяница. Устроил дебош в пивной «Креветка», облил водкой официанта и дважды плюнул ему в лицо. Валуев страдал страстью к перемене мест, как память о себе, оставляя очередной брошенной женщине очередного младенца. Доподлинно известно, что последние пару лет Валуев жил на Камчатке и даже знал несколько слов по корякски. И вот нелегкая занесла его в Степановск.

Девяткин уже беседовал с любвеобильным Валуевым по душам, без мордобоя. Тогда Валуев сказал: «Любить женщину – это все равно, что идти по тундре с завязанными глазами. Куда идешь – не известно. Но все время проваливаешься, ноги вязнут во мхах. И, в конечном итоге, все кончается плохо, совсем плохо». Интересно, что этот умник на этот раз скажет? Чтобы завтра же духа Валуева в городе не было, – решил Девяткин. Нет, сегодня же. Душевные разговоры кончились. Девяткин испытал странный зуд в сжатых кулаках.

Теперь он с Валуевым он церемониться не станет. Девяткин протянул руку, чтобы нажать кнопку с селекторной связи с дежурным, но тут зазвенела длинная трель междугороднего звонка. Девяткин снял трубку и не узнал далекий женский голос.

– Я у телефона, – дважды повторил он.

– Это Ирина Павловна говорит, жена Леонида Тимонина, – сказала женщина. – Простите за беспокойство...

– Какое уж там беспокойство.

– Как ваши дела? – спросила Тимонина.

Ясно, вопрос задан из вежливости. Видимо, Ирина Павловна и не ждала длинного пространственного ответа. Поэтому Девяткин ответил коротко и правдиво.

– Дела так себе, паршивенько. А что у вас? Как Москва, шумит?

– Шумит. А у нас... У меня, – от волнения Тимонина запуталась в словах. – Короче, случилось несчастье.

Долгая пауза, которую Девяткин выдержал, решив не задавать наводящие вопросы. Так уж получилось, что по этому номеру, в этот кабинет благополучные и счастливые люди никогда не звонили. Но пауза сильно затянулась.

– Что-то с Леней? – спросил Девяткин.

– Да, с Леней. Неделю назад, в прошлый понедельник, за ним приехала машина. Ну, чтобы на работу его отвезти. Леня остановил машину возле Центрального телеграфа на Тверской. Велел водителю ждать. Он вышел и больше не вернулся. Вот и все. Мы с Леней женаты уже три года. За это время не было ни одной ночи, чтобы он не ночевал дома. Я думаю, вернее, я знаю, что случилось самое худшее.

Девяткин вздохнул с облегчением, он приготовился выслушать самые плохие известия.

– М-да, даже не знаю, что ответить, – Девяткин вправду не знал, что ответить. В голову лезли одни банальности. – Вы милицию вы уже обращались?

– Нет, разумеется, не обращалась. Леня очень заметный человек, солидный бизнесмен. О нем пишут газеты, его по телевизору показывают. Журналисты платят милиции за информацию. Если я заявлю, завтра новость будет во всех газетах. Это серьезный удар по коммерческим структурам, которые принадлежат мужу. Большие, нет, огромные финансовые потери. Если Леня найдется, он убьет меня за то, что я заявила в милицию. Но мне почему-то кажется, что он исчез навсегда.

Чисто женская логика: если человек мелькнул в телеке, если о нем в газете что-то начеркали, то заявлять в милицию о его исчезновении – последнее дело. Интересно, что важнее для Ирины Павловны: найти мужа или избежать финансовых потерь? Впрочем, это противопоставление не корректно.

– Чем я могу помочь?

Тимонина, кажется, немного успокоилась.

– Леня всегда говорил, что вы сыщик, каких поискать. Говорил, у вас талант от Бога. А то, что вы оказались после Москвы в этой дыре, в этом Степановске, просто досадное недоразумение. Невезение.

– Ну, не преувеличивайте мои способности.

– Вы его найдете. Ведь вы с Леней лучшие друзья. Вместе служили в Афганистане. Леня часто повторял: если со мной случится несчастье, если что-то серьезное стряется, первому я позвоню Юре Девяткину. Ему первому позвоню. Он часто это повторял в последнее время, будто знал... И вот он пропал. Он позвонить вам не может. Поэтому звоню я.

Девяткин наклонился, спрятал дубину в стол. Сегодня Валуеву и другим задержанным очень повезло. Их хрюльники останутся целыми. Сейчас Девяткину не до этого.

– Понимаю, – сказал он. – Теперь постарайтесь меня выслушать. Да, мы с Леней действительно старые друзья. Вместе воевали. Я готов сделать для него все, что нужно сделать. Но мои возможности ограничены. Понимаете? Я не отказываюсь помочь. Но не все в моих силах. Я ведь скромный милиционер из провинции, пусть раньше и работал в Москве. Это дело не меняет.

– Возможно, вы один только и можете помочь. Вы самый близкий друг Лени. Ни один человек не знает его так хорошо, как знаете вы.

– Возможно, – кивнул Девяткин. – Но у лично вас гораздо больше возможностей, чем у меня. Вы обеспеченный человек. Если не хотите иметь дело с милицией, обратитесь к частным сыщикам, самым лучшим. В Москве есть хорошие детективы.

– Это бесполезно. Они будут тянуть с меня деньги, и создавать видимость бурной деятельности. А Лени не найдут. Я это знаю. Мне нужно разыскать мужа. Мне нужно знать правду.

Снова долгая томительная пауза. Тимонина ждала каких-то слов. «Нужно что-то решить, ответить „да“ или „нет“, – сказал себе Девяткин, хотя на самом деле все уже решил.

– Хорошо, я приеду. Возьму билет на завтрашний поезд, через сутки буду в Москве.

– А самолетом нельзя? Быстрее получится.

– В этом городишке нет аэропорта. Тут вообще ничего такого нет, потому что цивилизация сюда ещё не дошла. Задержалась лет на двадцать.

– Хорошо, приезжайте хоть поездом. Я знала, что вы не откажете. Когда возьмете билеты, позвоните. Пришлю машину вас встретить.

Короткие гудки отбоя.

Глава четвертая

Закончив телефонный разговор с женой Тимонина, Девяткин встал, раскрыл створки стенового шкафа, стянул форменную рубашку и брюки, переделся в гражданскую одежду. Он критически осмотрел себя в большое зеркало. Видок не слишком солидный. Возможно, по провинциальным меркам – и так сойдет. Но для столицы низкий сорт.

Эти брючки, чистые и тщательно наглаженные, устарели лет эдак... Даже трудно сказать, на сколько лет они устарели. Сорочка тоже подгуляла, фасончик а-ля младший научный сотрудник. Пиджак тесноват в плечах и вообще серьезной критики не выдерживает. Ехать в таком виде в столицу, явиться в приличный дом, чтобы расстраивать своим видом жену друга, у которой и так большие неприятности. Которая, возможно, вдовой стала. Нет, на такую пакость Девяткин не способен.

Галстук... Ладно, это не для слабонервных. Девяткин вспомнил свой темно серый, довольно стильный пиджак и горько вздохнул. Пиджак перед смертью изрешетил картечью рецидивист Горбунов. Светлая память. Не Горбунову, разумеется. Пиджаку.

Девяткин сел в кресло, зашнуровал ботинки, позвонил в соседний кабинет младшему лейтенанту Афонину, велел забрать протоколы и закруглить все дела с задержанными.

– Только ты с ними построже, – велел Девяткин. – Без разговоров за жизнь, без соплей. Я вернусь во второй половине дня.

– Построже – это само собой, – отозвался Афонин, который не умел строго держаться с задержанными хулиганами.

Теперь надо садиться в машину и ехать к начальнику управления Ефремову на дачу, где тот лечится тяжелым трудом от мифической ангины. Ехать и отпрашиваться на неделю. Ефремов воспримет просьбу подчиненного, как личное оскорбление. «Ты не можешь с этим дерьмом повременить? – спросит Ефремов. – Ты ведь меня под корень рубишь. Ты ведь знаешь, как мне нужна эта неделя. В кое-то веки выбрался поработать на воздухе». Ну, и так далее...

Человека можно понять. Еще не вся картошка окучена, не вся клубника прополота. И больничный до четверга. Наверняка разговор будет долгим и нудным. Очень огорчительно, но Ефремову придется закругляться с отдыхом и выходить на работу. Оставить лавочку больше не на кого. Ничего, он хороший человек, поймет, войдет в положение. Должен понять.

Девяткин вышел из кабинета в коридор, освещенный люминесцентной лампой. С другой стороны двери уборщица баба Клава терла чистый пол мокрой тряпкой, намотанной на швабру. Бабка подняла голову, прислонила швабру к стене, шагнула к начальнику. Будто только делала вид, что уборкой занималась, а сама ждала появления Девяткина.

– Юрий Иванович, здравствуй. Говорят, ты того страшного бандита намедни застрелил, Горбунова. Это правда?

Девяткин раз ушел от прямого ответа, проявив просто-таки чудеса остроумия.

– Говорят, что кур доят, – сказал он.

– Значит, брешут? – расстроилась уборщица.

Девяткин снова увильнул в сторону.

– Отличная ты женщина, тетя Клава. Была бы ты помоложе лет на тридцать, я бы на тебе женился.

Уборщица облизнулась в след Девяткину. В эту минуту она чуть не до слез пожалела, что так стара, так безнадежно стара.

* * * *

На центральной площади Девяткин появился в пятом часу вечера. Он уже успел побывать на даче Ефремова и выпросил неделю за свой счет, затем пообедал все в той же диетической столовой, в которой поклялся себе больше не бывать. Затем побрился и постригся в вокзальной парикмахерской. Теперь самое время подумать об обновлении гардероба.

Жара не собиралась идти на убыль. Ветер поднимал и гнал по площади клубы въедливой пыли и мелкого песка. Девяткин подошел к городскому универмагу, зданию старой постройки, с огромными, как в Большом театре, колонами, поднялся вверх по ступенькам. В торговом зале на первом этаже было так прохладно, будто сюда вернулась ранняя весна. Не хватало только птичьего пения.

Девяткин зашел в секцию готовой одежды. Для начала он посмотрел галстуки и сорочки, остался недоволен скудным ассортиментом. Затем побродил перед кронштейнами с готовыми мужскими костюмами, решив, что здешние образцы немногим лучше того пиджака, что сейчас тесно обтягивает его плечи.

Женщина, сидевшая на кассе, узнала заместителя начальника горотдела милиции, заулыбалась, заискрилась золотыми зубами. Но Девяткин, ускорив шаг, быстро ретировался. Стоило ему остановиться, и кассирша наверняка пристала бы с вопросом: не он ли застрелил рецидивиста Горбунова?

Ну и город... Будь он проклят.

Девяткин прошел вдоль прилавков в дальний угол зала, открыл дверь, нырнул в служебный коридор. Без стука распахнул обитую бордовым кожзаменителем дверь с табличкой «Директор универмага Олег Маркович Мещерский». Просторная приемная пустовала, только за письменным столом длинноволосая секретарша листала журнал мод годовалой давности. Опять новенькая. И где только Мещерский откапывает смазливых секретарш? Такой девочке забронировано место на развороте «Пентхауза», а не в убогой приемной провинциального торговца.

– Я к директору, – сказал Девяткин.

Секретарша подняла темно синие глаза, оценивающим взглядом окинула галстук и пиджак посетителя, решив, что перед ней рядовой жалобщик из покупателей.

– Олега Марковича нет на месте, – процедила она, как плюнула. – И сегодня уже не будет.

– Где же он? – удивился Девяткин, залюбовавшийся женскими губками.

– На торговой базе.

– А чья машина в переулке стоит? В этом городе только твой начальник ездит на пятом «БМВ». Он и ещё парочка бандитов, по которым тоже тюрьма плачет.

Девушка закрыла журнал, решив, что с другой стороны стола вовсе не жалобщик. Внешность, увы, обманчива.

– Как вас представить?

– Я сам представляюсь.

Девяткин шагнул к директорскому кабинету. Мещерский, копался в бумагах, при виде Девяткина он попытался изобразить радость, даже всплеснул руками. Но радость на лице Мещерского получилась вымученной, фальшивой, больше похожей на гримасу испуга.

– Какими судьбами?

Девяткин не ответил. Он сел к столу для посетителей, вытянул ноги и без долгих предисловий перешел к делу.

– Помнишь тот серый пиджак, который ты мне принес в прошлом месяце?

– Как же, помню. Франция.

– Один гад испортил твой пиджак. Восстановлению он не подлежит.

Глаза Мещерского увлажнились, уголки губ поползли вниз.

– Надо же. Какая досада. Очень жаль.

– И мне жаль. Надо как-то поправить положение. Не могу же я ходить в этом дерьме. Тем более я завтра уезжаю в Москву.

В глазах Мещерского блеснула робкая надежда.

– На повышение? Наверх забирают?

– Уезжаю всего лишь в короткий отпуск. Так что будем делать?

Мещерский был разочарован ответом. Он сделал вид, что не понял иносказаний милиционера.

– Хорошо, что вы зашли. На складе есть хорошие женские платья. И недорогие. Для вашей знакомой, для Елены Николаевны самое то.

Девяткин тяжело вздохнул. В этом городке даже сугубо личная жизнь становится достоянием широких кругов общественности. Вот и завмаг уже знает, имя любовницы Девяткина. Знает, какое платье ей подойдет.

– Мне не нужны платья, тем более дешевые. Мне нужен мужской костюм. Приличный. Типа того, что на тебе.

– Таких, к сожалению, нет.

– Ты хочешь, чтобы я вызвал своих ребят и вместе с ними пошел на склад? И посмотрел, что у тебя там есть и чего нет? А начну я с твоего кабинета, с этого вот шкафа. А заодно уж, поскольку начал, займусь и левым товаром. И водку проверю, который ты в продуктовой секции выставил. И все остальное.

– Я не могу одевать милицию за свой счет. Иначе в трубу вылечу.

– Бандитам ты платишь, и в трубу ещё не вылетел. А милиционерам помочь не желаешь? Вот ты как? Ладно...

– Кому я плачу? – захныкал Мещерский.

– Тебе имена назвать? Ты вообще чего хочешь? Чего ты добиваешься?

Бессмысленные вопросы поставили хозяина кабинета в тупик. Девяткин славился крутым нравом и его скрытые угрозы наверняка не пустой звук. Мещерский сдался. Его жалкое сопротивление с самого начала было бесполезным.

– Я не сказал, что не желаю помочь милиции. Помогу. Это мой святой долг.

– Ну, наконец-то. Вот и умница. Значит, костюм. И ещё троечку сорочек. Фирменных. А не то китайское барахло, что валяется в торговом зале. И галстук. И ещё пару летних ботинок. Самых лучших.

Через сорок минут Девяткин ушел, сжимая ручки фирменных сумок. Директор универсама заметался по кабинету, как таракан по освещенной кухне. Лучший костюм, который Мещерский выписал из Москвы для свояка, как назло, оказался впору Девяткину. И туфли тоже подошли. Про такие мелочи, как рубашки, носки, пару галстуков и говорить не стоит.

– Чертов вымогатель, – прошептал Мещерский себе под нос. – Тебе не костюм нужен, а бушлат деревянный. Жаль, тебя в субботу Клоп не подстрелил. Мать его, он думает, что я корова. И приходит сюда с доильным аппаратом.

* * * *

Ночь не принесла прохлады. Девяткин, накрывшись легкой застиранной простыней, лежал на спине, уставившись взглядом в черный потолок. Одна мысль о том, что в такую жару можно заниматься любовью, навевала мертвенную тоску. Он очень рассчитывал, что нынешним вечером Елена не нагрят в его холостяцкую берлогу. Он не принял душ, отложив это дело до утра. И вправду, зачем принимать душ, если ты ложишься в постель один?

Но расчет оказался неверным, Елена все-таки пришла на ночь глядя. И вот теперь лежит рядом, как немой укор. И надо бы сходить в душ, а затем отмыться на прощанье. Но Девяткин все тянул, вставать не хотелось. А может, жара и духота стимулируют женскую половую потребность? Возможно. Или женское начало просыпается именно в тот момент, когда у мужчины это желание падает ниже ватерлинии. В такую жару думать не хочется, не то что совершать лишние телодвижения.

– Ты спишь? – спросила Елена.

– Сплю, – ответил Девяткин, продолжая разглядывать потолок.

– Когда ты вернешься?

– Кто, я? – переспросил Девяткин, будто в комнате кроме него находился ещё кто-то, третий. – Через недельку.

– Зачем ты едешь в Москву?

– По делу.

– По какому делу?

– Слушай, у нас что, вечер вопросов и ответов?

Девяткин отвернулся к стене. Решено, в душ он не идет. И отмыться на прощание не будет. Лена потерпит недельку. А если невтерпеж, если похоть одолела, пусть гульнет. Звонок в прихожей раздался так неожиданно, что Девяткин вздрогнул.

– Кто это? – спросила Лена.

– Может, твой бывший муж, – предположил Девяткин. – В очередной раз предложит тебе вернуться.

– Seriously, кто это?

На этот раз он не ответил. Слез с дивана, вытянув вперед руку, шлепая по полу босыми ногами, дошел до стены и включил свет. Новый звонок, длинный и требовательный. Натянув на себя майку, Девяткин вышел в прихожую, заглянул в глазок. С той стороны порога незнакомая пожилая женщина. Девяткин крутанул замок, распахнул дверь. Не здороваясь, женщина полезла висящую на плече почтовую сумку, протянула Девяткину сложенный вчетверо листок.

– Срочная телеграмма.

Почтальон раскрыла регистрационную тетрадь, Девяткин расписался огрызком карандаша. Закрыв дверь, развернул листок и прочитал текст. «Навстречу мне, как баржи каравана, столетья поплывут из темноты. С чувством жму твою дружескую ногу. Леонид Тимонин». Телеграмма отправлена сегодня из подмосковного Сергиева Посада.

От неожиданности Девяткин опустился на табурет. Леня, вот он и объявился, вот и нашелся. Но какие баржи? И навстречу кому они поплывут?

Девяткин потянулся к телефону, набрал номер квартиры Леонида Тимонина. Ирина Павловна взяла трубку после третьего звонка.

– Простите, я не поздно? – Девяткин мямлил в руках телеграмму.

– Нет, нет, я жду вашего звонка. Вы взяли билет?

– Взял, – Девяткин назвал поезд и вагон. – А от Лени нет известий? Ни звонка, ни телеграммы не поступало?

– К, сожалению, нет, – Ирина Павловна кашлянула. – Если бы Леня дал о себе знать, я бы с вами немедленно связалась.

– Понятно. Это я так спросил, на всякий случай. Спокойной ночи.

– Спокойной. Водитель машины вас встретит.

Ирине Павловне лучше не знать об этом маразматическом послании, – решил Девяткин. В эту минуту он не мог объяснить себе, почему не рассказал жене Тимонина о телеграмме. Интуиция сказала – молчи. И он смолчал, потому что привык слушаться внутреннего голоса.

Но какие же баржи поплывут навстречу Лене Тимонину? Нет, поплывут вовсе не баржи, а столетья. Как это? Совсем он отупел от жары. Это же строчка из стихотворения Пастернака,

из «Доктора Живаго». Но зачем стихотворение нужно дробить на строки и отбивать эти строки телеграммами? И при чем тут дружеская нога, которую жмет Ляня? Чушь какая.

Девяткин решил, что задать себе безответные вопросы и сломать над ними голову он всегда успеет. А сейчас, поскольку он встал и согнал с себя дремоту, нужно сходить в душ и доставить женщине удовольствие.

Все— таки понедельник день трудный.

* * * *

Вечером того же дня Зинаида Львовна Курляева, стройная женщина средних лет, подъехала на такси к гостинице «Интурист». Она думала, что спешит в ресторан. Но на самом деле опаздывала на встречу с большими неприятностями.

Курляева посещала это заведение словно по расписанию, один раз в неделю, по понедельникам в десять часов вечера. В ресторане она искала встреч с достойными представителями мужского пола. Но, несмотря на женскую настойчивость, эти поиски пока не увенчались полным успехом.

Курляева не была легкомысленной особой и знакомилась с мужчинами вовсе не из корысти. Ей, человеку материально независимому, свободному от брачных уз, принадлежали три коммерческие палатки в центре города и большой павильон на оптовом рынке. Зинаида Львовна не бедствовала. В ресторане «Интуриста» она хотела встретить серьезного, обеспеченного мужчину. А по большому счету, свою судьбу. Стосковалась она по простому женскому счастью, крепкому и сытному, как кусок копченой колбасы.

Вот и сегодня ровно в десять Зинаида Львовна была на месте. Она внимательно оглядела себя в высокое зеркало. Может, причиной тому ресторанный полумрак, но выглядит она недурственно, даже молодо. Лицо загорелое, а темное платье с короткими рукавами стройнит. Женщина поправила высокую прическу. Нет, и все-таки крест на себе ставить рано.

Возможно, для дискотеки она старовата. Третьяковская галерея и Пушкинский музей сами собой отпадают. Туда ходят только дремучие провинциалы и нищие эстеты. Ни бедных эстетов, ни провинциалов Зинаида Львовна не желала. Возраст не позволяет размениваться на подобные сомнительные варианты. Иностранцы тоже не привлекают внимания. Уже пару раз с ними накальвалась. С виду прикинутые и лощеные, а под дорогими тряпками одна гнилая труха. И по-русски ни бе, ни ме.

Вообще же, за хорошим мужиком необязательно в Москву ездить. Сергиев Посад – туристическая мека. Среди приезжих попадают вполне приличные состоятельные господа. А ресторан подходящее место для знакомств. Курляева последний раз глянула в зеркало, вошла в зал и заняла столик у окна с видом на центральную площадь.

Она заказала холодную закуску, бутылку десертного вина и выглянула в окно. В высоком небе рассыпались звезды, синие сумерки раскрасили площадь в живописные неземные цвета. Курляева повернула голову в зал и стала без видимого интереса показного разглядывать посетителей.

Так, что у нас тут сегодня? За ближайшим столиком ужинает какой-то сомнительный тип. Ножом пользоваться не умеет, ест неряшливо. Простоватое лицо, облепленное веснушками, лоб прикрыт рязанским чубчиком. И как только в приличное заведение пускают таких вахлаков?

За вторым столиком в этом же ряду другой мужик, посолиднее, одет неплохо. Но этот приперся в ресторан, видимо, в компании собственной жены, толстой бесформенной клуши. Называется: в Тулу с самоваром приехал. Вот уж эти мужики.

А вот дальше, за третьим столом, сидит настоящий красавец. Широкоплечий брюнет с точеным лицом. Прекрасный костюм, золотые часы. С приборами управляется так, будто

всю жизнь этикет изучал. Женское сердце сжалось в сладостной истоме. Вот только напротив красавца за столом, спиной к Курляевой, присливился какой-то молодой парень в дешевом мятом пиджачке. Интересно, они вместе? Или жизнь случайно свела двух посторонних людей за одним столом?

Оркестр на эстраде заиграл какую-то джазовую импровизацию. Курляева взглянула на часики. Без четверти одиннадцать объявляют белый танец. Это её шанс. А пока есть время, она затеет с незнакомцем волнительную игру взглядами.

* * * *

Тимонин, на которого Зинаида Львовна положила глаз, торчал в ресторане уже третий час. Он обильно поужинал и много выпил, а затем ещё раз поужинал и ещё выпил. Четверть часа назад за его столик подсел студент Сережа, приехавший в Сергиев Посад из Питера осмотреть достопримечательности. Тимонин затеял с парнем приятный разговор.

– Никогда не расслабляйся, – говорил Тимонин. – В этой жизни всегда так: стоит только немного расслабиться...

– И что?

– И тебе сразу оторвут яйца.

– Кто оторвет? – студент выпучил глаза.

– Кто-нибудь. Не важно, кто. А без яиц плохо молодому человеку живется. Как думаешь?

– Разумеется, плохо. Даже очень.

Вежливый молодой человек кивал головой и внимательно слушал собеседника. В другое время Сережа не стал бы тратить время на всю эту ахинею про оторванные яйца, давно бы послал мужика куда дальше, но Тимонин угощал водкой с пивом и, кажется, собирался оплатить скромный студенческий ужин. В этой ситуации оставалось только поддакивать. Накануне на территории Лавры студент встретил приличную чистенькую девочку.

Девочка училась в московском институте и, как выяснилось позже, подрабатывала проституцией. Правда, теперь это в прошлом. В смысле, учеба в институте. Сережа потратил на плотское удовольствие отцовские деньги, выданные исключительно на образовательную экскурсию. И вообще студент сильно поиздержался в дороге. Сережа пришел в ресторан и подсел к подвыпившему, но солидному Тимонину. Дармовой ужин и выпивка сейчас – очень кстати.

Из-за своего столика, как капитан с мостика, Курляева наблюдала за красавцем мужчиной и его юным собеседником. Когда заиграли белый танец, Зинаида Львовна встала и пошла в наступление. Она подкатила к столику, смерила студента презрительным взглядом.

Наклонилась к уху Тимонина и прошептала заранее приготовленные слова. Тимонин поднялся, взял женщину за руку. И они закружились в танце на тесном пятчке возле эстрады.

– Вы так напряженно смотрите по сторонам, будто что-то ищите, – спросила Зинаида Львовна. – Правда, ищите?

– Ищу, – подтвердил Тимонин.

– И что же?

– Маяк на краю вечности.

– Возможно, этим маяком стану я?

– Возможно.

Через полчаса Тимонин позвал официанта и бросил на стол деньги. Студент доел ужин, поблагодарил нового знакомого за угощение и удалился. Тимонин спустился вниз, рассчитался за постой, потом поднялся в номер, забрал портфель и вернулся в ресторан.

Еще через полчаса Тимонин и Курляева вышли из «Интуриста». Над центральной площадью, над городскими улицами стелилась светлая мгlistая дымка. Тимонин повел носом.

Эта дымка имела свой особый запах, так пахнет, когда в соседнем доме занимается пожар. Но пожара было не видно.

– Что это? – спросил он. – Туман? Нет, не туман.

– Ну, ты как с Луны свалился, – удивилась Зинаида Львовна. – Жара какая стоит. За городом горят леса. Сюда дым достает.

– Леса горят? – переспросил Тимонин.

Действительно, и принохиваться не надо. Пахнет дымом, удушливой гарью.

Через пару минут спутники взяли машину и отправились осматривать двухкомнатное гнездышко, свитое в типовом девятиэтажном доме.

* * * *

Уже в квартире Курляева поняла, то неё гость немного не в себе, слишком сонный и задумчивый. Видимо, выпил лишнего. Чтобы немного расшевелить Тимонина, Зинаида Львовна пошла на одну из женских хитростей. Она усадила гостя на низкий диванчик, сама переделалась в короткую юбку и облегающую кофточку, забралась на подоконник якобы прицепить свалившуюся с крючка занавеску.

С дивана гостю хорошо видны ноги хозяйки, молодые и стройные. Действительно, Тимонин увидел не только коленную чашечку, но и весь сервиз, плохо скрытый полупрозрачными трусиками. Однако мужское начало гостя было слишком подавлено алкоголем, кажется, он вообще не понимал, зачем пришел в гости к женщине.

Тимонин скинул пиджак, взял на колени рыжего кота Мурзика, страшно располневшего после кастрации, и уставился в телевизор. Программа закончилась, гость немного протрезвел. Но когда Курляева отправилась в ванну, Тимонин забрался в холодильник, нашел там водку и вино.

К поздней ночи он напился как свинья, даже хуже. Взяв бутылку с вином, он расхаживал из комнаты в комнату, на ходу прикладываясь к гольщику, и повторял:

– Похоже, сегодня я уже не смогу играть на скрипке.

Тимонин споткнулся о разложенную в прихожей обувь и упал, разлив вино на палас. Наконец, он разделся и залез под одеяло, уже нагретое Курляевой.

– Да, сегодня я не смогу играть на скрипке, – сказал Тимонин. – Это точно, не смогу...

Сделав это сообщение, он захрапел.

Курляевой не спалось. Зинаида Львовна встала, накинула халат и отправилась курить на кухню. «Что за невезуха? – думала Зинаида Львовна. – А может опять позвать Раева? Нет, только не этого колченогого болвана».

Именно сейчас, к сорока с лишним годам, окончательно понимаешь, что личная жизнь не удалась, перспективы впереди не маячат. И все попытки исправить положение терпят крах. Пару месяцев назад Курляева, разочаровавшись в очередном знакомом из интуристовского кабака, купила вибратор на батарейках и завела интрижку с директором рыбного склада Раевым.

Вибратор сломался через две недели. А заведующий складом на проверку оказался хуже сломанного вибратора. Совсем никчемный мужичонка. В состоянии эрекции половой член заведующего напоминал половинку разваренной сосиски. Половинку квелой мягкой сосиски. Не мужик, а недоразумение природы.

Зинаида Львовна со злостью раздавила окурки в пепельнице. Если исходить из того, что главный критерий мужской сексуальности – толщина кошелька, то и тут Раев критики не выдерживает. Мало того, что насквозь провонял своей рыбой, так ещё и жаден патологически. До зубной боли, до отворачивания жаден.

Курляева утешила себя тем, что ничего страшного не случилось. Ее новый друг просто перебрал лишнего. Но завтра он будет в порядке. В конце концов, любой пьяный рано или поздно просыхает, – решила Зинаида Львовна и отправилась спать.

* * * *

Но вот и утро наступило, а с ним и неприятности.

Тимонин позавтракал, надолго заперся в ванной и, барахтаясь в воде, пел песни. Когда он вышел, то облачился в костюм и ботинки, уселся у телевизора. Кот Мурзик лег на колени гостя. Зинаида Львовна сидела в кресле и раздумывала, не повторить ли ей тот вечерний фокус с оборвавшейся шторой. Не залезть ли снова на подоконник. Может, Тимонина разберет?

Впрочем, к чему эти дипломатические увертки. Не лучше ли действовать в лоб, напрямую. Зинаида Львовна кинула на Тимонина выразительный взгляд.

– Хочешь, пойдем в спальню, приляжем? – спросила она.

Тимонин казался задумчивым, медлил с ответом. Он сидел на диване и поглаживал спину кота. Мурзик блаженно урчал.

– Приляжем, – неожиданно согласился Тимонин.

Он поднялся с дивана, держа кота одной рукой и поглаживая другой. Курляева встала с кресла и улыбнулась. Любовников разделяло несколько шагов. Тимонин дружелюбно улыбнулся в ответ.

Затем ухватил кота за холку и запустил им в лицо Зинаиды Львовны. Все произошло так быстро, так стремительно, что Курляева не успела увернуться. На лету толстый Мурзик выпустил длинные гнутые когти. Курляева закричала, закрылась руками. Но поздно. Кот вцепился в лицо, глубоко, в кровь располосовал когтями щеки и нос.

Но на этом Тимонин не успокоился. Напротив, только разошелся. Он сорвал с хозяйки халатик. Хотел накинуть на шею шелковый поясок, как удавку. Но Курляева, вырвалась, метнулась на кухню.

Тимонин в два прыжка настиг её в коридоре, больно ухватил её за плечо. Он повернул женщину к себе и вlepил ей такую пощечину, что вся левая половина исцарапанного лица сделалась бордовой, а перед глазами рассыпался сноп желтых искр. Тимонин зарычал по-звериному, сорвал с Курляевой бюстгальтер. Затем ухватил её за трупсы и дернул на себя и вверх. Тонкая материя рассыпалась на кусочки. Оставив женщину в чем мать родила, Тимонин повернул её к себе спиной.

Пинками вытолкнул Зинаиду Львовну в прихожую. Распахнул входную дверь, и снова вlepил Курляевой подметкой в голый зад. Женщина пулей вылетела на площадку, упала, подскочила.

Дверь квартиры захлопнулась за её спиной. Курляева взлетела на площадку верхнего этажа. Она думала, что взбесившийся мужик погонится за ней и доведет дело до логического конца: удавит на пояске или зарубит кухонным тесаком. Зинаида Львовна стала даже не звонить, а что есть силы барабанить кулаками в первую попавшуюся дверь.

– Убивают, помогите, – заголосила она.

Никто не открыл. Тогда женщина стала биться в соседнюю квартиру. Дверь приоткрылась, в щель выглянул какой-то небритый опухший мужик. Выглянул, захлопнул дверь и больше не открывал. Слезы полились по щекам, Зинаида Львовна стала стучаться в третью дверь.

Высунулась заспанная старушечья физиономия. И снова дверь закрылась под самым носом Курляевой. Голая женщина упала задом на ступеньки и горько разрыдалась. Через минуту дверь в квартиру старухи приоткрылась. Вылезла сухая морщинистая рука.

– На, оденься, бесстыжая морда.

На площадку вылетела грязноватая, местами рваная, простынка.

– Я, на меня, – пыталась оправдаться Зинаида Львовна, но слезы душили, мешали говорить. – Меня хотели... Я ни в чем не...

– Сволочи поганые, совсем совесть потеряли, – ответила суровая старуха и захлопнула дверь.

Курляева подхватила простынку, обернула в неё свое тело. Если она спасется, то обязательно поменяет квартиру. Здесь, в этом подъезде, больше не житье. На неё ещё долго будут пальцами показывать. Тут в бедовую женскую голову пришла светлая мысль. «Может, мне не мужик хороший нужен? Может, мне нужен хороший врач?» – подумала Зинаида Львовна и разрыдалась в голос. Ее стенания слышал весь подъезд.

В то время, когда Курляева искала защиты соседей и рыдала, усевшись на лестничные ступеньки, Тимонин нашел свой портфель, поправил перед зеркалом галстук. Вышел из квартиры, захлопнув дверь, спустился вниз. Через пару минут он шагал по тротуару, помахивая портфелем и насвистывая аргентинского танго.

Над улицей поднимался белесый полупрозрачный дым. За городом полыхали леса и торфяные болота. Тимонин уходил в неизвестность.

Глава пятая

С вокзала машина, которую прислала Ирина Павловна за Девяткиным, доставила его не на московскую квартиру, а в загородный дом Тимонина на Рублевке. Хозяйка встретила гостя на пороге двухэтажного дома, стены которого снаружи выложили темным канадским кирпичом. Тимонина, кажется, не заметила шикарный прикид Девяткина: новый костюм, туфли и модный галстук.

Вслед за хозяйкой он прошел в каминный зал, который уже отремонтировали, привели в порядок после разгрома недельной давности. Усадив Девяткина в кресло, Ирина Павловна из вежливости задала несколько дежурных необязательных опросов.

– Спасибо, я не голоден, – ответил Тимонин. – Только сразу предупреждаю. За последние годы я потерял квалификацию. У нас ведь не Москва. Нет этих ужасных преступлений. Взрывов, бандитских разборок, стрельбы, расчлененки... Там тихое болото. И мы рады этой тишине. В Степановск не привозят наркотики, потому что некому их покупать. Народ слишком бедный. Значит, нет и наркоманов.

– Ну, все-таки что-то и в глубинке происходит?

Девяткин долго разглядывал ноги Ирины Павловны, такие белые, будто она года три не вылезала из брючного костюма. Девяткин сделал вывод: жена Тимонина не слишком жалуется этот шикарный дом, бывает за городом не часто.

– Ерунда всякая происходит, – сказал он. – Воюю с пьянчужками и хулиганами. Местные парни напиваются в тамошней забегаловке или на танцах по субботам. А потом выясняют отношения. Ну, иногда кого-то пырнут ножом, отделают велосипедной цепью или проломают голову обухом топора. И всех дел.

Однако Ирина Павловна все ещё пыталась сыграть заинтересованность в судьбе чужого человека.

– А чем занимаетесь в свободное время?

Женщина говорила грудным, довольно низким голосом. Этот голос помимо воли волновал. Заставлял мужчину вспомнить о том, что он действительно мужчина, а не девянсто килограмм биомассы, созданной лишь для того, чтобы таскать форму и милицейский картуз с какардой и милиновым околышком.

Девяткин непроизвольно втянул в себя живот и немного выпятил грудь. Да, что ни говори, есть в этой женщине изюминка. Тимонин прожил в браке одиннадцать лет, И вот три года назад, не долго думая, оставил первую жену ради Ирины Павловны. Значит, она стоит того...

– Последние три года достраиваю веранду на даче, – сказал Девяткин. – У меня маленький домик за городом. Вот там и колупаюсь. Чтобы не терять времени, приступим к делу?

– Я в вашем распоряжении.

– Я могу осмотреть кабинет Леонида?

Ирина Павловна провела Девяткина в просторную комнату на втором этаже. Стены отделаны дубовыми панелями, книжные шкафы, забитые справочникам и словарями, телевизор, стереосистема с колонками, расставленными по всем углам, большой письменный стол у окна. Тимонин, спросив разрешения, начал осмотр с книжных полок.

Позавчера чуть свет он созвонился с начальником Сергиево-Посадского горотдела милиции и попросил срочно выяснить, не останавливался ли в тамошних гостиницах гражданин Тимонин Леонид Степанович. Ответ пришел, когда до отправления поезда на Москву оставалось полчаса, и Девяткин уже перестал надеяться.

Действительно, Тимонин пять суток проживал в гостинице «Интурист», но вчера поздним вечером рассчитался и съехал. Из «Интуриста» он вышел в обществе неустановлен-

ной женщины среднего возраста. Девяткин решил пока не рассказывать супруге Тимониной о результатах своих самостоятельных изысканий. К чему будить преждевременные надежды? По паспорту Тимонина в гостинице мог зарегистрироваться совершенно другой человек, проходимец и вор. А, возможно, и убийца. Таких случаев – сколько хочешь, море.

...Девяткин сел за стол в кресло хозяина, выдвинул ящики.

Он выгребал на столешницу тетради с записями, визитные карточки. Листал телефонные книжки. Дневника Тимонин не вел, деловые записи из ежедневника отрывочны, чужому человеку эту китайскую грамоту не разобрать. Ирина Павловна сидела на стуле, сложила руки на груди, краем глаза наблюдая за Девяткиным.

Да, если идти по порядку, проверять все записи, все телефоны, встречаться с персонажами из жизни Тимониной, то работы хватит года на два вперед. В углу нижнего ящика Девяткин нашел несколько полупустых упаковок и пузырьков из-под лекарств. Элениум. Успокоительное, снимает мышечное напряжение.

– В последнее время Леня нервничал? У него были неприятности?

– Пожалуй. За неделю до его исчезновения скоропостижно умер компаньон Лени, совладелец фирмы Витя Окаемов. Рак крови. Разумеется, Леня ужасно переживал.

– Другие неприятности?

– Нет, только эта. Преждевременная, нелепая смерть компаньона и доброго друга.

– В последнее время он спал беспокойно? Часто просыпался?

– Он спал спокойно, как младенец.

– Вы мне сюда кофейку не организуете? – попросил Девяткин. – Черного, с сахаром.

– Минутку. Скажу, чтобы сварили.

Когда Тимонина вышла из комнаты, он выгреб из ящика несколько пузырьков, внимательно рассмотрел этикетки на склянках, хотел присвистнуть, но решил не выражать эмоций вслух. Тизерцин, пиразидол. Транквилизаторы, снимающие возбуждение, психопатию, эмоциональные расстройства.

В том же ящике несколько рецептов, с именными печатями, адресом одной из городских психиатрических больниц. На бланке отчетливо пропечаталась имя врача: Щеголев Вадим Петрович. Девяткин списал названия лекарств в записную книжку и положил рецепты и пузырьки себе в карман.

Тимонина вернулась ровно через минуту, села на стул.

– Кофе скоро принесут.

– Скажите, у какого врача наблюдался Леня? Кажется, у него был врач... Как его имя?

– Кныш Артур Борисович. Он главный врач частной клиники «Оникс».

– Я бы хотел поговорить с этим Кнышем. Можно это дело сегодня устроить?

Тимонина взяла со стола телефонную трубку, набрала номер, перекинулась несколькими фразами с собеседником и закруглила разговор.

– Артур Борисович ждет вас. Машина внизу. Водитель знает дорогу.

– Мне не нужен водитель. Я возьму машину и доеду сам. Нет возражений?

– Нет. А как же кофе?

– Вечерком выпью, до моего возвращения как раз остынет. Скажите, Леня пользовался охраной?

Ирина Павловна покачала головой.

– Он считал, что охрана – это ниже его достоинства. Афганец, ветеран. Он сам за себя мог постоять.

– Я понимаю, что вопрос звучит двусмысленно. Но постарайтесь меня понять. Кто, кроме вас, был для Лени близким, посвященным в его дела человеком?

Тимонина поморщилась.

– Вы о любовнице? Возможно, Леня имел какие-то приключения на стороне, но я не в курсе этого. Что касается деловых отношений... Леня очень доверял своему помощнику Саше Бокову. Помощник – правая рука Лени. У них не было друг от друга секретов.

– Что собой представляет Боков? Ему действительно можно доверять?

– Двадцать семь лет. Очень хорошей семьи. Его отец – знаменитый переводчик, мать домохозяйка. Парень получил хорошее образование, знает языки. Я могу его вызвать прямо сейчас.

– Думаете, он мне пригодится?

– Непременно. Ведь и вам понадобится помощник. Главное, он честный, очень порядочный человек. Я ручаюсь за этого парня. Мой муж Саше все равно, что второй отец.

– Боюсь, что лично я Саше вторым отцом не стану, – усмехнулся Девяткин. – Но встретиться с ним можно.

Ирина Петровна начирикала на отрывном листке адрес частной клиники «Оникс». Водитель передал Девяткину ключи от машины.

– Там автоматическая коробка. Вы когда-нибудь управляли таким «Мерседесом»?

– Частенько, – соврал Девяткин.

* * * *

Главный врач клиники Артур Борисович Кныш встретил Девяткина на пороге своего просторного кабинета на втором этаже, усадил в мягкое кресло и напоил холодной минералкой. Приятная обстановка. Стены кабинета увешаны какими-то грамотами и дипломами в рамках, по углам расставлены кадки с пласмассовыми фикусами, очень похожими на настоящие, навевает прохладу кондиционер. На окне в золоченой клетке прыгает с пола на жердочку веселая канарейка.

А вот сам врач ни того... Кныш, высокий и худой, с маленьким острым личиком, походил на огромного червяка, влезшего в белый халат и нацепившего очки. Врач выгибал спину, тряс головой и без видимой причины экспрессивно взмахивал руками, будто участвовал в любительской театральной постановке.

– Тимонин – чудесный человек, – говорил Кныш, и руки взлетали к потолку. – Леня мой давний пациент. Но скажу честно, с таким, так сказать, больным работы немного. Здоровьем Бог не обидел. Тимонин легко бы прожил без врачей. Радикулит в легкой форме. Начальная стадия простатита. Все, пожалуй.

– На психические нарушения он не жаловался?

– Никогда, – Кныш выгнул в дугу гуттаперчевую спину и позволил себе улыбку. – С головой он дружит. А что, у вас другие сведения?

– Просто так спросил. Для галочки. Когда Тимонин обращался к вам в последний раз?

Кныш полез в стол, посплюнявив палец, полистал журнал.

– Два месяца назад. В нашей клинике он лечил зубы.

Кныш в ожидании следующего вопроса завертелся на стуле, будто под его задом было не мягкое сидение, а раскаленная сковорода. Девяткин решил, что человек с внешностью и ужимками вертлявого червяка по определению не может говорить правды. Соврет, даже если в этом нет никакой необходимости. Из любви к искусству соврет. Не стоило и приезжать в этот поганый «Оникс». Девяткин задал ещё несколько общих вопросов. Он сухо попрощался с главным врачом и спустился к машине, сознавая, что зря потерял время.

Теперь нужно встретиться со Щеголевым, врачом из психушки, который выписывал рецепты на транквилизаторы. Девяткин сел на водительское место, взял трубку мобильного телефона, набрал номер платной справочной службы. Через пару минут он уже знал рабочий телефон Щеголева, ещё через пять минут условился с врачом о срочной встрече.

* * * *

После исчезновения Тимонина вставший у руля фирмы Казакевич не мог найти себе места. Беспокойство томило его и днем и ночью. Безответные вопросы «почему» и «зачем» бередили душу. Он не мог ни понять, ни объяснить причины, побудившие Тимонина уйти в бега, исчезнуть неизвестно где и прятался неизвестно от кого. Сколько бы версий Казакевич не строил, разумного ответа не находилось.

В конце концов, на исходе второго дня полной неизвестности Сергей Яковлевич решил, что в его положении нужно допускать и просчитывать самые плохие варианты. Нужно исходить из того, что Тимонин каким-то образом узнал о покушении, которое на него готовится. Принял меры: решил лечь на дно, понаблюдать со стороны, что там без него происходит. Да, это не самый удачный, не самый умный ход Тимонина. Но этот ход позволил ему спастись.

И теперь он выжидает, чтобы ужалить исподтишка, нанести удар в спину. Окажись в такой ситуации сам Казакевич, он поступил бы иначе. Ждать не в его правилах, он отстрелял бы своих врагов по одному и закатал трупы в асфальт. Или залил бетоном.

На исходе третьего дня Казакевич решил действовать решительно и твердо. Расписание последних дней Тимонина он просчитал чуть ли не поминутно. Были установлены все лица, с которыми Тимонин встречался или разговаривал по телефону. После смерти своего компаньона Окаимова Тимонин пребывал в угнетенном настроении, не хотел никого видеть. Потому список оказался совсем коротким. Жена Ирина Павловна, секретарша Фомина, водитель, помощник Боков, несколько деловых партнеров, звонивших Тимонину по пустяковым делам, остальные вообще не в счет.

Тем не менее, за два три дня до своего исчезновения Тимонин дважды вызывал в свой кабинет Аревшата Арутюняна, охранника офиса, который нес вахту на седьмом этаже возле лифтов, и о чем-то с ним беседовал. Оба разговора оказались короткими, всего пара-тройка минут. И тем не менее... За три минуты можно сказать многое, можно сказать главное.

Арутюнян был в курсе того, что Тимонин утром в понедельник загремит в шахту лифта. Мало того, Арутюнян в числе других людей должен был помочь Тимонину провалиться в шахту. Так о чем же разговаривали охранник и босс? Казакевич приказал прояснить вопрос.

Ночью в квартиру, которую снимал Арутюнян, пришли его же земляки. Армянин оказался в постели не один, привел женщину. С ней церемониться не стали. Кто хотел, тот позабавился, получил удовольствие. Затем бабенку задушили подушкой.

В багажнике «Жигулей» связанного Арутюняна вывезли на берег Москва реки в район Крылатского. Там находится юношеское водноспортивное общество «Патриот», директор которого свой человек. Разговор вели в трюме буксира, валандались с Арутюняном до самого утра. Начали с малого. Окурками прижгли ему мочки ушей. «Дайте же мне слово сказать, – орал Арутюнян. – Выслушайте меня». Сделали передышку и выслушали. Ответ армянина разочаровал всех. Пришлось продолжить.

Горящие сигареты заталкивали в ушные каналы. Ну, и далее по программе. До корочки поджарили пятки паяльной лампой, проткнули корку острием арматурного прута. Вопреки ожиданиям охранник оказался крепким парнем. Несколько раз он терял сознание, но его отливали холодной водой. Арутюнян клялся жизнью оставленных в Армении детей, клялся могилой матерью, что ни знаком, ни словом не предупредил Тимонина об опасности.

По его словам, первый раз босс вызвал Арутюняна во вторник и спросил, почему в коридоре, где он нес вахту охранник, такая нестерпимая жара и духота. Охранник объяснил, что завхоз в отпуске, а кондиционер сломался. Мастера вызвали с опозданием, поломка серьезная, кондиционер починят через пару дней. Тимонин не забыл об этом разговоре, спросил Арутю-

няна через два дня, в четверг, что с кондиционером. Арутюнян ответил, что аппарат уже починили и сегодня же установят. Вот и все беседы.

Казакевич приехал на баржу, когда армянина измолотили почти до неузнаваемости. Мучимый тошнотой Казакевич, не мог спокойно наблюдать за расправой, он часто выходил курить на палубу. Наконец, решил, что охранник сказал правду, сказал все, что знал. Арутюнян не предатель, он чист. Ничего он не сообщал Тимонину, не предупреждал его о покушении.

Тем не мене, после всего того, что сделали с Арутюняном, оставить его в живых просто глупо.

Когда начало светать, охранника вывезли на лодке на середину реки, правую руку капроновой веревкой привязали к чугунному радиатору отопления. Затем сбросили армянина и радиатор в воду. По задумке утопленник должен был пролежать на дне хотя бы до начала осени, пока тело не обглодают рыбы. Но труп всплыл уже на третий день. Прибывшегося к берегу утопленника нашли спасатели лодочной станции. Оказалось, что, уже находясь на дне, Арутюнян отчаянно боролся за жизнь, пытался зубами перегрызть веревку.

Затея почти удалась, не хватило буквально нескольких секунд, чтобы спастись. Если бы у Арутюняна после жестоких избиений и пыток остались на месте все зубы, что ж, возможно, ему удалось перекусить эту клятую веревку и выплыть. Но зубы во рту торчали через один, как штакетник худого забора.

Тут нечего беспокоиться, – утешил себя Казакевич. Менты все равно бессильны. Труп Арутюняна со следами пыток им ничего, кроме головной боли, не даст. По картотеке армянин не проходит, в Москве не прописан, родственников здесь не имеет. Его личность не установят и, когда истечет срок хранения тела, его сожгут, и захоронят прах в братской могиле.

На четвертый день Казакевич переговорил с руководителем армянской бригады, выписанной из Еревана для разового задания. Армяне должны были устранить Тимонина и тут же отбыть сначала на поезде в Питер, оттуда на родину самолетом. В том, что ничего не получилось, что Тимонин жив, вины армян нет. Они всего лишь исполнители, съемные, заменяемые детали. Казакевич отменил задание, выплатил бригадиру отступного и велел убираться из Москвы.

В понедельник Казакевич связался с Германом Маковецким, посредником, приемщиком заказов на мокрые дела. Сказал, что нужно встретиться и выпить на старом месте по кружечке пивка часиков в двенадцать. В переводе на человеческий язык это иносказание имело иной перевод: есть срочный разговор, к двенадцати приезжай туда, где встречались в прошлый раз. Точку облюбовали давно. Безлюдное, чистое от прослушки поле. Пустырь в районе городской свалки в пригороде Люберец. Но, как выяснилось, даже это идеальное не без изъянов.

Поднявшееся в зенит солнце нещадно палило, ветер приносил со свалки нестерпимую смрадную вонь. В небе кружили стаи ворон и чаек. Но ни Казакевич, ни Маковецкий, наученные опытом, не перенесли разговор в салоны своих автомобилей, оснащенных кондиционерами. Остались стоять посередине пустыря, на солнцепеке. Маковецкий внимательно слушал собеседника, обливался потом и прикладывал к носу смоченный одеколоном носовой платок.

Казакевич обрисовал ситуацию. Армяне пошли в задницу, нужны новые люди, другая бригада. Более опытная, квалифицированная. Предстоит не просто замочить человека в парадном, в тачке или на даче. Мишень подалась в бега, её нужно выследить, найти. Естественно, «подрядчики» не должны быть москвичами. Нужно найти людей на стороне, в Прибалтике, на Украине. Впрочем, такие подробности Маковецкому объяснять необязательно. Он имеет добрый процент с заказа, сам заинтересован в успехе.

«У меня есть азербайджанцы, их бригадир Валиев живит в Москве, остальных я поселил их на даче в Ивантеевке, – сказал Маковецкий. – Уже три недели ждут дела. Хорошие ребята, проверенные. Правда, в Москве они все, кроме Валиева, ещё не работали». «Тем лучше, что не работали, – ответил Казакевич. – Значит, не засветилась. Когда они будут готовы и смогут

приступить?» «Завтра я познакомлю тебя с Валиевым, договаривайтесь напрямую», – ответил Маковецкий и уткнулся носом в надушенный платок.

Казакевич в подробностях раскрыл детали предстоящей операции. Наконец, ударили по рукам и разъехались в разные стороны.

За час с небольшим, что Казакевич торчал возле свалки, он насквозь пропитался помочными ароматами. В офисе он помылся под душем, но вонь совсем не исчезла, казалось, она проникла глубоко, под самую кожу. Преследуемый дурными запахами, в этот день Казакевич даже не смог пообедать со вкусом.

* * * *

Во вторник с утра Казакевич вызвал в свой кабинет помощника Тимонина Сашу Бокова, показал пальцем на кресло и начал с бытового вопроса. На самом деле вопрос имел некий угрожающий подтекст. И Боков понял скрытые намеки с полуслова.

– Вроде у тебя жена должна родить со дня на день? – спросил Казакевич.

– Должна, – подтвердил Боков.

– Как она себя чувствует?

– Так себе, – вздохнул Боков. – Тошнота и все такое. Плохо спит.

Лицо помощника оставалось бледным, глаза мутными, сонными.

– Дай ей Бог здоровья. А вообще, это хорошо, что вы решили потомство завести. Дети и все такое... Это ведь наше будущее. Правильно?

– Правильно, – механически подтвердил Боков.

– Кстати, тебе уже известно, кто отец ребенка?

– В каком смысле? – Боков округлил глаза.

– Я шучу. Ты совсем отупел, юмора не понимаешь. Теперь слушай сюда.

Казакевич сильно шлепнул ладонью по крышке стола, чтобы вывести собеседника из сонной задумчивости, и обрисовал картину. Только что ему звонила безутешная жена Тимонина. Хныкали и ждала, нет, просто выпрашивала слова утешения. И услышала их. Казакевич сказал ей все, что нужно говорить в таких случаях, что хотела утешать женщина. Мол, человек не иголка, найдется. Тимонин не пропадет, в обиду себя не даст, он не из слабаков и так далее.

Но все это эмоции, которые к делу не относятся.

Суть же в следующем. Сегодня утром приехал человек, которого они ждали, провинциальный мент Девяткин. Можно сколь угодно долго иронизировать насчет умственных способностей ментов вообще и провинциальных ментов в частности. Однако этот Девяткин старый друг Тимонина. Вместе служили в Афгане, и хотя в дальнейшей жизни их дороги разошлись. Но, как ни странно, эти два совершенно разных человека не перестали быть близкими друзьями. Оставим это без комментариев, просто примем, как данность.

Жена Тимонина рассчитывает, что Девяткин поможет ей в поисках пропавшего мужа. И хорошо бы её расчет оказался правильным. Тогда задача Казакевича упрощается. Девяткину нужен помощник. Потому что одному с этим делом трудно справиться. Впереди много мелких дел, которые надо кому-то перепоручить.

Казакевич направил указательный палец на Бокова.

– Этим помощником будешь ты. У тебя есть опыт. Жена Тимонина тебе доверяет. Значит, этот мент тоже поверит. Ирина Павловна говорит, что ты можешь приехать прямо сейчас. Подождешь Девяткина в их доме на Рублевке. В настоящее время мент сел в тачку и отбыл к лечащему врачу Тимонина. Сделай все, чтобы ему понравиться Девяткину. Усек?

– Я не баба, чтобы ему нравиться, – возразил Боков.

– Ты понимаешь, о чем я говорю. Сядешь на хвост этому Девяткину, на шаг от него не отступишь, и будешь докладывать мне обо всем, что происходит. Возьми с собой мобильный телефон. Нет, два телефона. На всякий случай. И звони мне в любое время дня и ночи.

– Что вы сделаете, когда Тимонин найдется?

– Ты сам знаешь, что мы сделаем. Поэтому не задавай idiotских вопросов. И не старайся казаться дурее, чем ты есть на самом деле. Тебе свои чистые пальчики испачкать кровью не придется. Грязную работу сделают другие люди. Все, топай. И жене от меня привет передай. Скажи, что я о ней помню и молюсь за её здоровье. И за здоровье будущего ребенка.

– Спасибо, – кажется, Боков сделался ещё бледнее.

* * * *

Когда Девяткин подъехал к больнице Кащенко врач Вадим Ильич Щеголев, невысокий пожилой мужчина, уже ждал его, устроившись на скамейке и разложив на коленях свежий номер газеты. Залитый солнечным светом большой сквер перед психиатрической больницей выглядел так празднично, многолюдно, будто здесь с минуты на минуту должно начаться народное гуляние. Девяткин представился, показал Щеголеву милицейское удостоверение, коротко пересказал историю исчезновения Тимонина.

– Я нашел ваши рецепты в столе Тимонина, – сказал Девяткин. – И вот я здесь. У меня много вопросов. Но только не рассказывайте мне историй про медицинскую тайну. Сейчас мне надо знать правду.

Щеголев сложил газету трубочкой, отмахнулся от мухи и сунул трубочку во внутренний карман пиджака.

– Я объясню все по порядку, – сказал он. – Тимонина последние полгода страдал головными болями и, когда выпивал, плохо себя контролировал. Позже и в трезвом состоянии у него стали появляться провалы в памяти. Один мой бывший пациент, которого я лечил частным образом, посоветовал Тимонину обратиться ко мне. Так мы познакомились. О моем существовании не знает никто, даже жена Тимонина. Он считал, что стыдно наблюдаться у психиатра.

– И каков ваш диагноз?

– Если без сложной терминологии – психопатия.

– Куда мог исчезнуть Тимонин?

– Мое мнение таково: в данный момент он находится в психопатическом расстройстве. Переживает сумеречное состояние, другими словами, он не контролирует свои действия. При этом посторонним людям его поступки кажутся вполне логичными. Он может отвечать на вопросы, поддерживать жизнедеятельность. Есть, пить, справлять нужду и так далее. Словом, его трудно отличить от здорового человека. Но, повторяю: свои действия он не контролирует. Представьте, вы идете по тоннелю, вокруг темнота, что творится справа и слева, вы не знаете. Но вы видите слабый свет в конце тоннеля, идете на этот свет.

– Не исключено, что Тимонин задался какой-то целью?

– Возможно. Какой именно, мы не знаем. И в этом сумеречном состоянии он идет к своей цели. Но это лишь предположение. Возможно, никакой определенной цели Тимонин не имеет. Я не могу сказать, что испытывает больную, потому что это неисследованная область медицины. Сумерки.

– А вообще что за цели могут преследовать психопаты?

– Цели могут быть самыми разными. Известен случай, когда военнослужащий сбежал из части в Перми, чтобы убивать. Блуждал в лесах и выслеживал своих жертв. Ими были женщины, вне зависимости от возраста. Он раздевал своих их догола и кончал выстрелом в затылок. Не избивал, не насиловал, а расстреливал. Мужчин не трогал. Его целью был именно

отстрел женщин. В конце концов, его выследили и задержали, но военнослужащий ничего не вспомнил. Ни побега из части, ни убийств, вообще ничего.

– Тимонин тоже...

– Когда он выйдет из сумеречного состояния, тоже не вспомнит, где был и что делал. Печально, он может совершить преступление. Пережить сильный приступ агрессии. Даже не один приступ, а несколько. Он может, например, убить человека. С теми навыками, что он получил в Афганистане, это запросто. Возможно, агрессия будет направлена не только на посторонних людей, но и на самого себя.

– Почему вдруг Тимонин впал в психопатическое состояние? Раньше ведь этого не было.

– Кто сказал, что не было? Просто лично мне об этом ничего не известно. А причин может быть несколько. Например, эпилепсия, перенесенный менингит, тяжелое простудное заболевание. А также клещевой энцефалит. И, наконец, травма головы. Небывалая жара, которая продолжается в последние недели, провоцирует психопатию. Насколько мне известно, эпилепсией Тимонин не страдал, клещ его не кусал, травм головы он не получал, а автомобильные аварии не попадал.

– Но была контузия. Его тяжело контузило в Афгане.

– Ах, да, контузия... Я знаю эту историю. Очевидно – она и есть причина. По существу, контузия – это тяжелый ушиб головного мозга. Та же самая мозговая травма.

Девяткин покачал головой.

– Но ведь прошло столько лет...

– Время не имеет значение. Контузия – это мина замедленного действия. Когда рванет, никто не знает. Может, жхнуть через десять лет, а может, через двадцать. Он носил в себе эту хворь. И вот однажды болячка вылезает наружу. Вероятной причиной мог послужить нервный стресс. Неприятности по службе или в семье, плюс алкоголь. В последнее время он прикладывался к бутылке. После очередной неприятности, он напился. И все... Дальше «сумерки».

Девяткин надолго задумался.

– Скажите, доктор, а он выйдет из этого состояния?

– Непременно. Но для этого нужно, чтобы он в течении двух суток не брал в рот спиртное. Ни грамма. Эти двое суток лучше всего провести в глубоком сне. Если вы его найдете, сделаете ток, чтобы он надолго заснул. Дайте ему лошадиную дозу снотворного. Он проснется здоровым человеком, выйдет из психопатического состояния. Но, боюсь, когда это произойдет, Тимонин ужаснется тем вещам, которые он успел натворить.

– Он может узнать знакомого человека, друга? Ну, меня он узнает?

– Он мать родную не узнает, если встретит на улице. Правда, если несколько раз ему повторить, что вы это вы, то есть его друг, близкий человек. То, возможно, он как-то воспримет информацию. Впрочем, не ручаюсь.

– Ваше предположение, где он может сейчас находится?

– Больные всегда ходят проторенными тропами. Посещают те места, где бывали раньше. Если у Тимонина есть любовница, он может показаться у нее. Не исключено, что он посетит старых друзей. Может вынырнуть в другом конце страны. Скажем, в городе, куда ездил в командировку или в отпуск. Вариантов без счета. А что у него на уме, какой свет и в конце какого тоннеля он видит, знает только он сам. Что, облегчил я вашу задачу?

– Отчасти, – озадаченный Девяткин почесал затылок.

Глава шестая

На Рублевку Девяткин вернулся после обеда. Он передал ключи от «Мерседеса» водителю, вошел в каминный зал. Худощавый молодой человек, облаченный в майку с короткими рукавами и голубые джинсы, поднялся с кресла, протянул руку.

– Александр Боков, – представился он. – Помощник Леонида Степановича. Ирина Павловна вызвала меня. Сказала, что я поступаю в ваше распоряжение. Сказала, чтобы...

– Знаю, знаю, – Девяткин потряс руку молодого человека. – А я Девяткин Юрий Иванович. Значит так, Саша, сейчас мы с тобой уезжаем...

Девяткин не договорил. Дверь открылась, на пороге зала появилась Ирина Павловна.

– Это куда вы уезжаете? Обед готов.

– Заверните нам с собой бутерброды, – попросил Девяткин. – По дороге перекусим. А едем мы в Сергиев Посад. Есть одна зацепка. Не хочу дарить вам надежду прежде времени. Но, по непроверенным данным, Леню там видели.

Ирина Павловна вздрогнула, как от удара, округлила глаза.

– Леня в Сергиевом Посаде? Что он там делает?

– Я же говорю, данные не проверенны. Возможно, это ошибка. Мы едем, чтобы выяснить этот вопрос. Далее. Мне нужно две-три фотографии Лени, чтобы было отчетливо видно его лицо. Плюс деньги на дорожные расходы. Сколько сочтете нужным.

– Деньги на расходы я уже получил, – сказал Боков.

– Тогда ты будешь казначеем. Еще нужна машина, но не шикарный лимузин. Обычная рабочая тачка. «Жигули» подойдут.

– У меня как раз «Жигули», – отозвался Боков.

– Прекрасно. Еще нужен мобильный телефон.

– Телефон при мне, – Боков показал пальцем на портфель, стоявший на пороге комнаты. – Даже два телефона. На всякий случай.

– Прекрасно. Мы выезжаем, как только я переоденусь.

Девяткин поднялся наверх, в гостевую спальню, стянул с себя итальянский костюм. Он вытащил из большой спортивной сумки рубашку с короткими рукавами и летние брюки. Одежда помялась в дороге, но времени, чтобы поработать утюгом, не осталось. Спустя несколько минут Девяткин с сумкой в руке спустился с крыльца, сел на заднее сидение «Жигулей» и велел Бокову жать в Сергиев Посад на всех парах. Сам же съел собранные в дорогу бутерброды, выпил чаю из термоса. Ни слова не говоря, повалился боком на заднее сидение и сладко задремал.

Дорога заняла около двух часов. Машину оставили на платной стоянке недалеко от центральной площади. Девяткин и Боков вошли в гостиницу «Интурист», взяли двухместный номер с кондиционером и телефоном. Поднявшись на третий этаж, Девяткин разделся до трусов, достал из сумки фотографию Тимонина и протянул её молодому человеку.

– Рабочий день к концу, но ты все успеешь сделать. Беги в районную газету, редакция в соседнем доме, в задании городской администрации. Договорись с главным или кто там у них есть на месте. Дай на лапу или заплати в кассу, как за рекламу. Пусть фото возьмут в жирную рамку и опубликуют в завтрашнем номере.

– В разделе «объявления»?

– Хоть на первой полосе. Фотография должна бросаться глаза. А внизу текст. Ну, что-нибудь такое: «Пропал человек. За информацию о пропавшем гражданине гарантируем крупное денежное вознаграждение. Все, кому что-нибудь известно о человеке, которого вы видите на снимке, убедительная просьба обратиться...» Ну, и так далее. Пусть напечатают телефон нашего гостиничного номера. Понял?

– Понял, – Боков для памяти что-то зачирикал в блокноте.

– Вот и умница. Ты сообразительный, шустрый парень. Был бы ты женщиной, я бы на тебе женился.

Отвесив неуклюжий комплимент, Девяткин включил кондиционер на полную мощность, задвинул шторы. Он лег на кровать, с головой закрылся простыней и через пару минут засопел тихо и ровно.

Рабочий день заканчивался. Боков, резво перебирая ногами, почти бежал по площади к заданию городской администрации.

– Женился бы он на мне... Вот же навязали на мою голову идиота, – шептал он себе под нос. – Чертов извращенец.

* * * *

Покинув квартиру Зинаиды Курляевой, Тимонин, пребывавший в добром расположении духа, долго слонялся по городу. Наконец, утомленный пешей прогулкой, завернул в ресторан, где и запил горячие блины водкой и русским квасом. Закончив поздний завтрак, Тимонин рассчитался с официантом и снова очутился на залитой солнцем улице. После приема пищи хорошо бы устроить себе небольшую развлекательную программу. Но разве найдешь достойное развлечение в городе, оглушенном жарой и безветрием, отравленным дымом горящих лесов.

Но тут Тимонину неожиданно повезло. Проходя мимо городского дворца культуры, он остановился перед большой афишей, прикрепленной к витрине на самом видном месте. «Внимание. Десятая конференция работников жилищно-коммунального хозяйства. Торжественная часть. Выступление самодеятельных коллективов и солистов областной филармонии».

Тимонин потоптался у дверей, после недолгих колебаний, переступил порог дворца культуры. Две женщины вахтерши, разомлевшие от жары, наглотавшиеся висевшего в воздухе дыма, выполняли инструкцию руководства: пропускали в зал строго по приглашениям. Но если приглашения не предъявляли, пускали и так. Тимонин выпил в буфете сто пятьдесят водочки и прицепил холодного пива. Утолив жажду, прошел в зал, полный нарядно одетых людей, в основном женщин, и занял свободное место в первом ряду.

Торжественная часть благополучно клонилась к завершению, публика позевывала, ожидая короткого перерыва и заявленного после него концерта местных самородков, плясунов и певцов, а также двух известных солистов областной филармонии.

Чтобы люди не разошлась, досидели до конца, организаторы мероприятия обещали делегатам конференции после концерта раздачу памятных сувениров. Блокнотов, папок, календарей с городской символикой, шариковых ручек с эмблемами Подмосковья и прочей бесполезной ерунды. Начальство точно рассудило: ради того, чтобы получить за бесплатно какую-нибудь пустяковину, люди готовы вытерпеть многое. Если же раздать сувениры раньше времени, зал опустеет.

Заместитель главы городской администрации Кузин, державший слово последним, отбарабанил по бумажке, на ходу придумав собственную эффектную концовку выступления.

– И теперь, когда мы получили заверения областного руководства в поддержке нашего курса...

Кузин оглянулся на лица людей, сидящих в президиуме, нашел физиономию областного чиновника, сдуру пообещавшего денег на коммунальные нужды, игриво погрозил начальнику пальцем.

– Мы уверены, что все задачи нам по плечу. Теперь профинансируйте наших городских коммунальчиков в полном объеме. Обратной дороги, как говорится, нет.

Он снова шутливо погрозил пальцем, на этот раз почему-то аудитории. Тимонину показалось, что грозят пальцем лично ему. Тимонин поднял руку и погрозил указательным пальцем Кузину.

В это время активистка патриотического клуба «Союз нерушимый» Таня Родимова, отвечавшая за самодеятельные выступления, стояла за кулисами и старалась справиться с волнением. Она в сто первый раз повторяла слова, которые должна произнести через пару, появившись на сцене минут перед аудиторией. Но простые заученные фразы распадались бес-связные на слова, голос предательски дрожал. «Выступление нашего художественного коллектива посвящено, – бубнила Таня. – Оно посвящено... Посвящено оно... Десятой областной конференции работников жилищно-коммунального хозяйства. Мы, молодые... Посланцы... Посланники... Посранники... То есть...»

* * * *

– Спасибо, что собрались, – Кузин в последний раз обратился к собравшимся. – Спасибо, что пришли на наше мероприятие, значение которого трудно преувеличить, переоценить.

Тимонин принял слова благодарности на свой счет. В эту минуту он решил, что пришел сюда не зря. И отмолчаться, тихо отсидеться в кресле он просто не имеет права. Теперь, после слов благодарности, он обязан что-то ответить этому симпатичному мужчине, и вообще высказаться перед аудиторией по многим волнующим вопросам.

Когда из зала раздались жиденькие аплодисменты, Кузин сложил бумажки в аккуратную стопку, поклонился слушателям. Сойдя с трибуны, уселся в президиуме. Чиновник раздумывал над сложным вопросом. Сколько денег прилипнет к рукам, когда местные организации получают подряды на строительство теплосетей. И сколько ему, Кузину, положено комиссионных за то, чтобы подряд достался именно этой организации, а не другой. И сколько надо отдать наверх? И сколько распределить между своими? Чертова тьма вопросов.

Надо все обдумать, посоветоваться со знающими людьми. Сейчас ещё пару слов скажет председательствующий собрания, председатель подкомитета городского законодательно собрания. Закроет торжественную часть – и шашаш. Можно позволить себе холодного пивка, а заодно уж нужно прояснить некоторые деловые моменты.

Тимонин живо поднялся, пробежал по проходу вдоль первого ряда, пересчитал ногами ступеньки на сцену, взлетел наверх и плечом оттеснил от трибуны какого-то мужичка, собиравшегося закрыть торжественную часть конференции. Поставив портфель на пол, Тимонин встал перед микрофоном и улыбнулся залу.

– Спасибо за теплые слова, которые я здесь услышал в свой адрес, – веско заявил Тимонин. – В моей жизни коммунальное хозяйство играет важную роль. В прошлом году я делал ремонт в своей квартире. Ну, разумеется, ремонт делал не я, а мастера делали. Так они столкнулись с проблемой совместимости эксклюзивной импортной сантехники и отечественно подводки. То бишь канализационных сетей... Ну, несоответствие. Дырки там не совпадают.

Кузин тронул за рукав сидящего рядом областного начальника Шахова и кивнул на выступающего Тимонина.

– Это ваш, областной? – спросил Кузин.

– Не наш, – покачал головой Шахов. – А я думал, он ваш. Из коммунальщиков.

– А может он оттуда? – Кузин показал пальцем на потолок. – С самого верха?

– Много чести для нас, чтобы оттуда прислали.

Кузин забеспокоился, привстал на месте, решая, что делать дальше. Позволить чужаку полностью раскрыть волнующую проблему совместимости с канализационными сетями импортной сантехники или деликатно, без скандала прервать выступление?

– Это такая мутота, ремонт делать, – развивал мысль Тимонин. – Кто сталкивался, тот знает. А кто ещё не пробовал, тот хлебнет лиха. Короче, даже начинать не советую. По мне, так лучше жить в грязи, как свинья в луже, чем разводить эту бодягу с ремонтом.

В зале засмеялись. Тимонин остановился, слил остатки воды из графина в стакан и опустошил его в два глотка. Начальники в президиуме переглядывались друг с другом. Кузин зарделся лицом. Мероприятие, кажется, под угрозой. Народ за кулисам тоже забеспокоился. Даже Таня Родимова замолчала и с тревогой уставилась на сцену. В зале, кажется, начинали понимать: на сцене происходит что-то не то, все идет не по писанному. Сделав паузу, Тимонин продолжал:

– А теперь давайте все вместе отправимся в буфет и выпьем чего-нибудь освежающего, – говорил он. – А то в зале жара и воняет потом, как в солдатской казарме. И как вы только здесь сидите?

* * * *

Кузин решительно поднялся с места, шагнул к трибуне. Он подошел к Тимонину сзади, дернул его за рукав. Но тот не даже не оглянулся. Кузин повторил попытку. Тимонин нагнулся и достал из портфеля толстую пачку денег и потряс деньгами в воздухе. Зал загудел.

– Я угощаю всех, – заявил Тимонин. – Покупаю весь буфет вместе с буфетчицей. Если она кому-то из мужиков понравилась, если кто любит толстых баб, – жрите. Хватит всем. Кстати, пивка я уже попил, ну, полное дерьмо. Брать не советую. Лучше водочки. А дорогим нашим женщинам – рябины на коньяке.

Последним заявлением Тимонин окончательно завоевал симпатии зала. Обеими руками Кузин вцепился в плечо Тимонина.

– Уберите деньги и сойдите с трибуны, – прошипел Кузин.

– Что? – обернулся Тимонин.

– Я говорю, не срамите наш съезд, наш слет. Нашу конферн... И себя не срамите. Немедленно уберите деньги. И сойдите с трибуны.

– Что?

– Здесь вам не цирк.

Тимонин повернулся к чиновнику лицом и молча толкнул его ладонью в грудь. Кузин качнулся, как неваляшка, но не упал. Члены президиума, переговариваясь, стали вставать с мест. Кузин понял, что конференция, проходившая так гладко, так ровно, скомкана и безнадежно испорчена.

– Что за хулиганство? – подал голос пузатый Шахов.

Тимонин хотел ещё что-то сказать, но микрофон отключили. Замигал верхний свет. Тимонин решил, что договорить ему все равно не дадут. Значит, коллективный поход в буфет отменяется, выпить водки в веселой компании коммунальщиков не удастся, не судьба. Тогда он размахнулся и кинул в зал деньги. Крупные купюры разлетелись, как стайка напуганных птиц.

– Охрана, сюда. Хулиганят, – закричал Шахов.

Но охрана, заперевшись в будке киномеханика, смотрела увлекательный телефильм со стрельбой и мордобоем. Призывы Шахова оказались гласом вопиющего в пустыне.

– Сюда, ко мне, охрана...

В партере поднялась унижительная для человеческого достоинства, совершенно неприличная возня. Женщины вставали на сиденья кресел и, задрав руки кверху, ловили летящие по воздуху деньги. Кто-то пытался забраться ногами на спинки кресел. Купюры вертелись в воздухе, не давались в руки. Какой-то солидный лысый человек уже ползал на карачках по проходу, ища упавшие деньги под креслами.

– Черт вас всех раздери, где охрана? – надрывался Шахов. – Вызовите милицию.

* * * *

Кузин снова наскочил на Тимонина, вцепился в лацканы пиджака и стал оттаскивать его от трибуны. Тимонин оторвал руки противника от своей одежды, левой ухватил Кузина за галстук. Он сдавил галстуком, как удавкой, шею заслуженного коммунальщика. А правой влепил ему пару увесистых пощечин.

Физиономия Кузина с левой стороны зарделась бурыми пятнами. Но коммунальщик не собирался сдаваться, он изо всех сил пнул нападавшего носком лакированного ботинка в голень. Тимонин поморщился от боли, ослабил хватку. Кузин выдернул галстук из руки самозванца, попытался ударить его кулаком в живот. Но Тимонин оказался проворнее, он схватил за длинное горлышко стеклянный графин. И разнес графин о голову Кузина.

Стеклянная посуда взорвалась, как осколочная граната. По сторонам брызнули, далеко разлетелись мелкие осколки. Но на Тимонина уже набросился областной начальник Шахов. Тесня Тимонина огромным выпуклым животом, Шахов, имевший разряд по вольной борьбе, хотел болевым приемом вывернуть руку хулигана, заломить её за спину. Но и здесь Тимонин оказался проворнее.

Он сильно ударил Шахова кулаком в грудь. Тот отлетел к трибуне, огляделся по сторонам. Вырвал из гнезда увесистый микрофон, попытался садануть им, как молотком, по башке хулигана. Тимонин встретил противника мощным крюком в челюсть. Шахов с микрофоном в руке слетел со сцены, выломал спиной несколько кресел и остался лежать на полу, раскидав руки по сторонам.

Охранники, пропавшие неизвестно где, так и не появились. Зато активистка Таня Родинова вывела на сцену участников художественной самодеятельности, плясунов, переодетых в матросские костюмы и бескозырки с надписями «Северный флот». Молодежь вся, как на подбор: жилистые крепкие девушки и десяток мускулистых парней, готовых броситься в драку. Все словно ждали команды «фас».

Наступил критический момент. На несколько секунд установилась такая напряженная тишина, что, казалось, стало слышно, как стучат человеческие сердца. Силы были неравны. Тимонин, отступая, шагнул задом к краю сцены. Ребята из самодеятельности сжали кулаки и сделали вперед пару шагов.

– Стоять, мать вашу дышлом, – вдруг надрывно заорал Тимонин. – Стоять, паразиты. А то гранату взорву. Гранатой вас, сволочей...

Хотя в руке хулигана не гранаты никто не увидел, все сразу безоговорочно поверили в её существование, морячки попятились назад. При слове «граната» в партере поднялась паника.

– Я вам устрою, – пообещал Тимонин. – Все тут к хренам разнесу. Своей гранатой.

Люди уже успели собрать все деньги, даже передрались между собой успели. И теперь спешили спастись от неминуемого взрыва, напирали, лезли вперед, толкались плечами в дверях. В конце концов, двухстворчатые двери, не выдержавшие мощного натиска, слетели с петель. Толпа устремилась в фойе.

Тимонин подхватил портфель, спрыгнул со сцены. Он добежал выхода из зала, смешался с толпой. Кто-то из самодеятельных плясунов хотел броситься в погоню, но, вспомнив о гранате, остался стоять на месте.

Члены президиума, во время потасовки прятавшиеся за кулисами, снова появились на сцене и начали ругаться. Кто-то спрыгнул вниз, стал помогать подняться валявшемуся среди сломанных кресел Шахову. Но тот не так и не смог встать на ноги.

Кузину принесли смоченное водой полотенце. Главный городской коммунальщик был расстроен, угнетен случившимся больше других. Сидя на сцене, он стирал полотенцем кровь с разбитой головы и бормотал что-то невразумительное.

Вместо обещанных денежных вливаний из области он в присутствии начальства и подчиненных получил графином по башке. Не голову разбили графином, репутацию. Какой уж после этого авторитет руководителя? Какой спрос с подчиненных? Какие комиссионные? Хоть заявление по собственному пиши.

Тушу областного чиновника Шахова подняли на руки самодельные артисты и через служебный вход понесли на улицу. Там уже надрывалась сирена «скорой помощи», которую догадалась вызвать вахтерша.

Тимонин бегом пересек площадь, свернул в переулок. Пропетлял по дворам, замечая следы. Вскоре он вышел на тихую пустынную улицу, засаженную пыльными тополями. Остановившись на крае проезжей части, он долго ждал машину, когда она появилась, поднял руку, проголосовал частнику. Синие «Жигули» затормозили, Тимонин сунул голову в салон.

– В деревню Черниховка отвезешь? Километров тридцать отсюда.

– Знаю, – кивнул молодой водитель, выехавший покалымить. – Нет, не пойдет. Там лес горит. Дорога перекрыта.

– Я заплачу. По высшему разряду.

– Это само собой, заплатишь. Только ничего, братан, не выйдет. Километров за десять до Черниховки выставили милицейский кордон, никого не пускают. Я точно знаю, в субботу оттуда тещу вывозил.

– Тогда продай мне свою машину.

– Ты что, рехнулся? – водитель выпучил глаза. – Иди в автосалон. Я сам эту тачку три месяца назад купил.

– Послушай...

Тимонин обогнул машину спереди, поставил портфель на мостовую, наклонился к водителю. Затем дернул дверцу на себя. Ухватив частника за шею, сдавил пальцы и стукнул его лбом о баранку. Затем он выволок жертву за волосы из салона и пару раз навернул автолюбителю по морде. Парень отлетел на газон. Тимонин сел за руль и газанул с места.

* * * *

Утром Девяткин раздвинул шторы и залюбовался видом, открывавшимся из окна на Лавру. Вдохновленный величественным зрелищем, он пропел «Утро красит нежным светом», заказал завтрак на двоих в номер и отправил Бокова за газетами. Помощник вернулся через пять минут, протянул Девяткину свежий, пахнущий типографской краской номер районки.

Фотографию Тимонина увеличили, взяли в розовую рамочку и поместили на видном месте, в правом углу четвертой страницы. Текст под фотографией заканчивался словами: «Просьба всех, кто встречал этого гражданина или что-либо знает о его месте нахождения обращаться...» Далее следовал номер гостиничного телефона и обещание солидного материального вознаграждения.

– Хорошая работа, – одобрил Девяткин.

– Стараюсь, – отозвался Боков.

Проглотив завтрак, Девяткин завалился на кровать, положил ноги на высокую спинку и углубился в подробное изучение газеты, начав с раздела «происшествия». Ничего примечательного, заслуживающего внимания.

– Шестидесятилетний водитель грузовика Ковальчук был застигнут в постели несовершеннолетней школьницы, имя которой мы, по понятным причинам, не называем, – прочитал Девяткин вслух. – Мужчине предъявлено обвинение по 134 статье УК РФ. Примечательно, что спустя неделю в постели все той же школьницы был застигнут мусорщик, пятидесятилетний летний гражданин Саркисов. В скором времени обвиняемые предстанут перед судом.

– Ну и нравы, – покачал головой Боков. – Потаскушку судить надо.

– За что? Ей нравятся мужчины не первой и даже не второй свежести. Что тут поделаешь?

Приятный и содержательный разговор прервал телефонный звонок. Девяткин сел на кровати и снял трубку. Звонили из приемной заместителя главы городской администрации Кузина. Секретарь передал просьбу своего начальника срочно зайти в приемную.

– Уже иду, – сказал Девяткин и сунул ноги в ботинки.

Через четверть часа Девяткин переступил порог просторного кабинета с окнами во всю стену. За рабочим столом он увидел мужчину средних лет с забинтованной головой. Сквозь повязку проступало бордово пятно запекшейся крови. Девяткин приблизился к столу, раскрыл перед лицом чиновника милицейское удостоверение. Кузин, не особо искушенный в процессуальных тонкостях задержания преступников или беглых психов, других документов от милиционера не потребовал.

– В связи с чем вы разыскиваете этого субъекта? – спросил Кузин. – Что он у вас там натворил?

– Он психически больной человек, – не раздумывая, ответил Девяткин. – Временами буйный. Я должен доставить его в профильную больницу.

– Я так и понял, что этот гад того... С большим приветом. Здоровый человек не покусился бы на это, – Кузин покрутил указательным пальцем у забинтованного виска. – В смысле на мою голову не покусился. А он, сволочь, меня графином. Со всего маху. При людях. При начальстве. Прямо на конференции коммунальщиков.

Девяткин сел за стол для посетителей.

– Расскажите по порядку, – попросил он.

Кузин в живописных подробностях пересказал дикое происшествие, приключившееся лично с ним и другими участниками областной конференции коммунальщиков.

– Выходит на сцену этот черт, – рассказывал чиновник. – И начинает нести околесицу про дырки в импортной сантехнике. Потом приглашает всех пить с ним водку. И рябину на коньяке. И, наконец, швыряет в зал деньги. Толстую такую пачку. Мол, сами пьянствуйте. Тут я не выдержал, встал... Хотел приструнить...

Девяткин слушал, опустив взгляд на полированную поверхность стола. Он сохранял каменное выражение лица, но на самом деле сдерживал приступы подкатившего к горлу смеха.

– Этот псих избил и сбросил с эстрады руководителя областного звена Шахова. А потом пообещал взорвать в зале гранаты. Это уже натуральный терроризм.

– У него была граната? – насторожился Девяткин.

– Я почему знаю, – пожал плечами Кузин. – У него с собой портфель, а что в портфеле? Может, там тротила десять килограмм.

– Скажите, может, он как-то вскользь обмолвился о том, что собирается делать? Назвал чье-то имя? Или упомянул населенный пункт, город или поселок?

– Ничего такого. Возможно, псих до сих пор находится в нашем городе. Ищет новые жертвы. Я почему-то в этом почти уверен.

– Вы обратились куда следует?

– Я не писал никаких заявлений, – помотал головой Кузин. – Вообще не хочу вмешивать в это дело городскую милицию. И Шахова уговорил не заявлять. Мне не нужны сплетни и пересуды. Это, может, в Москве большого человека по башке графином звезданут, и никто ничего не узнает. А у нас тут все на виду. И так разговоров на месяц вперед хватит. А если уж милицию подключать...

Кузин обречено вздохнул и погладил забинтованную голову.

– Большая к вам просьба: найдите эту тварь. И поместите в психушку тюремного типа.

– Именно это я и собираюсь поступить.

Девяткин потряс руку Кузина и ушел. Вернувшись в номер, он снял пиджак и снова упал на кровать. Боков извертелся на стуле, ожидая рассказа. Наконец, он не вытерпел и спросил:

– Ну, что там?

– Ничего, – вздохнул Девяткин. – Один чиновник утверждает, что видел Тимонина. И даже во время встречи с ним схлопотал по голове пустым графином. Но больше он ничего не знает. Концов пока нет.

– Что же нам делать? – озадачился Боков.

– Ждать. Рыбка должна клюнуть. А солидное материальное вознаграждение на дороге не валяется.

Девяткин накрыл лицо газетой. Боков, как неприкаянный, стал слоняться по номеру из угла в угол. Он останавливался и часто вздыхал, словно хотел пожаловаться кому-то на свою нелегкую долю. Но жаловаться было некому.

Глава седьмая

Телефон ожил после обеда, ожил, и уже звонил не переставая. Девяткин едва успевал назначать встречи абонентам. Первым посетителем оказался директор музыкального магазина Вельдман. Он долго рассматривал милицейское удостоверение Девяткина, решая, стоит ли вести откровенные разговоры с этим человеком. Наконец, приняв положительное решение, директор вытащил из кармана районную газету с фотографией Тимонина, развернул её. И с силой ткнул пальцем в портрет своего обидчика. Палец насквозь продырявил газетную страницу

– Сукин сын, – сказал Вельдман, скомкал газету и бросил бумажный мусор в корзину. – Он просто натуральный псих. Самый психованный из всех психов вместе взятых.

Директор пришел сюда не за обещанным вознаграждением, не за деньгами. Ему не нужны были слова утешения или сочувствия. Он жаждал только одного – мести. Вельдман отказался присесть на стул, он так волновался, мысленно переживая прошлые страхи, что вел разговор стоя. Говорил с нутряным присвистом, задыхаясь, как астматик во время приступа.

– Этот человек пришел в мой музыкальный магазин. Сперва играл на рояле и пел песни. Да, представьте себе: пел песни. А потом избил всех служащих и разнес все вокруг. Молотком размолотил коллекционный рояль.

Директор погладил рукой огромную шишку на лбу, похожую на синеватый рог. Эту травму оставил вертящийся табурет, запущенный Тимониным в директорскую голову.

– Сволочь, он уничтожил магазин, главное, рояль раскурочил, – сказал директор. – Просто-таки меня разорил, по миру пустил. Рояль, который его мизинца не стоит... Боже мой. Это даже не музыкальный инструмент, а произведение искусства, исторический памятник. Если бы вы знали, каких сил, каких трудов стоило мне его достать.

Когда Вельдман произносил слово «рояль», он всякий раз хватался за сердце, щупал пальцами левую половину груди и едва слышно постанывал. На веках закипали слезы, готовые скатиться вниз по розовым щекам.

– Ничего, – утешил Девяткин. – Не расстраивайтесь. Рояль – это все лишь рояль. Не больше и не меньше. Все хорошо, что хорошо кончается.

– Вы смеетесь? – в глазах Вельдмана стояли слезы. – И это, по-вашему, хорошо?

– Разумеется, – кивнул собеседник. – Ваша голова осталась на плечах, вы живы и даже не очень пострадали, если не считать шишки на лбу. А ведь вы встретились с очень опасным человеком. Скажу по секрету: когда он служил в Афганистане, то собрал большую коллекцию душманских ушей. Отрезал их и сушил на веревочке.

– На веревочке?

– Вот именно. Одно время пытался собирать скальпы, но они долго не хранились, невыделанная кожа расплзалась. И он бросил это занятие. Ваши красивые уши, а то и скальп, могли бы пополнить его собрание. Возможно, у него не оказалось под рукой ножа, чтобы отрезать уши или ещё какой-нибудь жизненно важный орган.

Вельдман потрогал уши, решив, что рояль роялем, но иметь вместо родных ушей целлулоидовые протезы на крючках, жить с ними, пристегивать по утрам и отстегивать на ночь... Нет, такая музыка не для него.

– Кстати, у этого человека есть ещё одно хобби.

– Какое? – заинтересовался Вельдман.

– В прежние времена ради удовольствия он ломал людям ноги. Возможно, он просто вас пожалел. Проявил милосердие.

– И это милосердие? – директор показал пальцем на синий рог. – За такое милосердие убивать надо.

Вельдман покинул гостиничный номер, недовольный состоявшимся разговором. Этот момент застывает за матерого преступника. Такое впечатление, будто он в коллегии адвокатов записался, а не в милиции служит. Саша Боков, во время разговора тихо сидевший в уголке, подал голос.

– Лично я в эту сказку не верю, – сказал он. – Ну, что Леонид Степанович разгромил музыкальный магазин, кого-то там избил и молотком уничтожил коллекционный рояль. Тимонин человек высокого полета. Не того масштаба личность, чтобы погромы устраивать. Вероятно, хулиган был очень похож на Тимонина. Этот чертов еврей просто обознался.

– Возможно, – кивнул Девяткин, рассказ Вельдмана и его поставил в тупик. – Действительно, как-то это все сомнительно. Но совпадений слишком много.

* * * *

Другие посетители разочаровали Девяткина. Приходили два пьянчужки, которые утверждали, будто видели Тимонина на улице возле продуктового магазина «Астар». Якобы Тимонин купил им две бутылки белой, но пить водку не стал, просто ушел неизвестно куда. Эта информация ничего не давала Девяткину. Он выпроводил собутыльников, сунув им мелочь на пиво.

В середине дня в гостиничный номер вошла женщина средних лет с расцарапанным носом и щеками. Царапины не мог скрыть даже толстый слой пудры. Курляева, как и директор музыкального магазина Вельдман, пришла не за деньгами, а за справедливостью.

– Да, он по виду приличный человек, – сказала Курляева. – Ему не нужно подкладывать в трусы пару носков, чтобы выглядеть настоящим мужчиной. Но в душе этот ваш Тимонин – настоящая свинья.

Сделав это заявление, она коротко пересказала обстоятельства знакомства с Тимониным в ресторане «Интуриста». Однако утренние события, осветила скупое, замолчав, по собственному мнению, непристойные подробности происшествия.

– Он бросил мне в лицо кота, – сказала Курляева. – И ногой пнул несколько раз. А потом ушел. Все произошло неожиданно. Он взорвался, как вулкан.

– Что-то предшествовало этому взрыву? – Девяткин кусал кончик ногтя.

– Все было спокойно. Он сидел в кресле и смотрел телевизор. Я предложила ему... Ну, предложила чаю выпить. А он вдруг подскочил, как ужаленный, и запустил мне в лицо котом. А потом ногами стал пинать...

– Вы обратились в милицию?

– Тогда мне было не до этого. Я была слишком взволнована, оскорблена в лучших чувствах. А сегодня увидела объявление в газете. И подумала: этот человек опасен. Встретиться с вами – мой долг.

– Тимонин не поделился своими планами? Не сообщал, что он собирается делать в ближайшее время? Возможно, он называл города или населенные пункты, куда хочет отправиться.

Курляева наморщила лоб и долго смотрела в окно.

– Нет, не припоминаю.

После того, как Зинаида Львовна, избитая и совершенно голая оказалась на лестнице своего подъезда, в её жизни произошли важные подвижки. Курляева в течение одного дня подыскала вариант обмена своей квартиры на квартиру меньшей площади в другом районе. Она поклялась себя больше никогда не ужинать в ресторане гостиницы «Интурист».

И, наконец, вчера вечером Зинаида Львовна нанесла визит заезжей гадалке и предсказательнице, приехавшей в Сергиев Посад на летние гастроли из Москвы. Предсказательница погадала на будущее, используя стеклянный магический шар и традиционные карты, чем успокоила душу бедной женщины. Гадалка напроочила, что в самом скором времени Курляеву

ожидают радикальные перемены в личной жизни. Зинаида Львовна выйдет замуж за большого, знаменитого человека. Киноартиста или даже богатого еврея.

Ну, пусть до таких высот не дотянутся. До артиста или богатого еврея, как до звезды из другой галактики. Но вот торговец подержанными велосипедами Хомяков, с которым Зинаида Львовна свела знакомство на оптовом рынке, вчера позвонил и предложил встретиться в неформальной обстановке. Хомяков – кадр перспективный. Он вполне состоятельный человек, а не какой-нибудь жалкий импотент без жилплощади.

– Так, значит, Тимонин провел ночь в вашей постели?

– Именно провел, то есть проспал, – подтвердила Курляева. – Накануне он сказал, что не сможет, так сказать, играть на скрипке. И сдержал свое обещание. Понимаете, о чем я говорю? Он был мертвецки пьян. Но, тем не менее, разговаривал во сне, не дал мне глаз сомкнуть.

– И о чем же он во сне разговаривал? Возможно, назвал какие-то имена?

– Только сейчас вспомнила, он упоминал какого-то дядю Колю. И раз пять обещал ему, что все будет пучком. И еще... Он говорил, что Черниховка не место для приличного человека. Так и сказал. Черниховка – это дыра в жопе.

– Черниховка? Вы не ошиблись?

– На провалы в памяти не жалуясь, – Курляева поджала губы. – Я в торговле работаю и вся бухгалтерия у меня вот тут, в голове. Память – дай Бог всякому.

Девяткин проводил даму до выхода из гостиницы, вернулся в номер. Боков сидел в уголке и курил. Девяткин вытянул из пачки сигарету, сел рядом с молодым помощником.

– Ты слышал когда-нибудь о дяде Коле? Или о Чениховке?

– Первый раз слышу от этой бабы с бешенством матки. Настоящая сдвинутая на сексе нимфоманка: «Он сказал, что не сможет играть на скрипке». Тьфу, какое дерьмо. Groш цена словам этой сучки недотраханой.

– Для сына знаменитого переводчика ты слишком образно выражаешься.

– Называю вещи своими именами.

– И тем не менее. Немедленно обследуй все здешние киоски, достанешь подробную карту района и области. Плюс карты прилегающих областей. Что-то мне подсказывает: эта Черниховка – не пустой звук. И в Сергиев Посад Тимонин приехал неспроста.

Боков поднялся с видимой неохотой. Но ходить далеко не пришлось: все карты имелись в продаже в ближайшем книжном магазине.

* * * *

Казакевич не мог сидеть без дела. Не осталось и толики терпения, чтобы просто ждать вестей от Бокова. И вообще наивно рассчитывать, что мент Девяткин на блюдечке принесет адрес, по которому скрывается Тимонин. Надо действовать самостоятельно, а не надеяться на подачи судьбы.

Казакевич заперся в кабинете, положил перед собой чистый лист бумаги и попытался составить список людей, у которых мог отсиживаться Тимонин. Ничего из этой затеи не получилось. Страницу украсило лишь одно имя: Ада Пертовна Яхонтова. С этой женщиной у Тимонина был бурный романчик. Пару раз Тимонин приглашал Казакевича на квартиру своей пасси.

Где-то год назад любовники расстались. Когда за рюмкой водки Казакевич спросил Тимонина о причинах разрыва, тот ушел от ответа, лишь тень на плетень навел. Мол, разбилась голубая чашка. Что за чашка? И почему она разбилась? Подробности Казакевич так и не вытянул.

Но после разрыва с Яхонтовой Тимонин, кажется, не завел новую интрижку на стороне. Казакевич, менявший женщин часто, даже слишком часто, не понимал странного аскетичного

поведения Тимонина. Зачем зарабатывать деньги, если ты не умеешь их тратить? Даже любовницу приличную не имеешь, не говоря уж об остальном...

И вот теперь имя Ады Михайловны всплыло в памяти.

Казакевич не стал строить хитроумных планов. Он предпочитал действовать просто, прямолинейно. Год назад Яхонтова работала в какой-то фирме, брала переводы технической литературы на дом. Скорее всего, она и сейчас, обложившись словарями, сидит за столом. Полистав телефонную книжку, Казакевич набрал нужный номер. Когда Яхонтова взяла трубку, он представился, сказал что есть очень важный совершенно неотложный разговор. Надо бы немедленно встретиться. Кажется, Яхонтова была заинтригована.

– Что ж, приезжайте, – сказала она. – Адрес не забыли?

– Как можно забыть ваш адрес? – Казакевич расплылся в улыбке.

Через пару часов он оказался в районе Чистых Прудов. Купив большой букет белых гвоздик, поднялся на последний этаж дома старой постройки, надавил кнопку звонка. Яхонтова провела Казакевича в большую комнату, усадила в кресло. Поставила перед гостем чашку кофе и вазочку с пирожными.

– Так что случилось?

– Леня пропал, – вздохнул Казакевич. – Вышел из машины, сказал, что вернется через пять минут. Но не возвращается уже вторую неделю. Я с ног сбился. Подумал, может, вы что-то знаете. Может, он звонил?

Яхонтова не смотрела в глаза собеседнику. У этой женщины какой-то странный ускользающий взгляд. Будто она врет даже тогда, когда говорит правду.

– Последний раз Леня звонил мне накануне Нового года, – сказала Яхонтова. – Поздравлял. Хотел заехать с подарком. Но я решила: раз все кончено, значит, кончено. Тогда у меня появился другой мужчина. Но подарок он все-таки прислал.

Яхонтова подняла палец и показала на люстру. Казакевич задрал голову кверху. Да, дорогая, даже уникальная вещица. Люстра сделана из чистого серебра и представляет собой плетеную корзину с вытянутыми по сторонам хрустальными рожками.

– Значит, он не звонил? – повторил вопрос Казакевич.

Яхонтова отрицательно покачала головой. Она водила взглядом по сторонам. И, несмотря на видимые усилия, о Тимонине она не могла говорить спокойно. Яхонтова поднялась с кресла, встала у обеденного стола, сплела руки на груди.

– Леня никак не мог решиться на важный шаг, не мог расстаться со своей Ириной, – продолжила Ада Михайловна. – Что ж, я его за это не осуждаю. Это его решение. А я уже ничего не ждала.

Врет, – решил Казакевич. Определенно врет. По глазам заметно, по этому взгляду, раскосому, блуждающему по углам комнаты, по стенам, по потолку. Или не врет? Черт этих баб угадает.

– Я вас понимаю.

Казакевичи одним глотком выпил кофе и встал с кресла. Он подошел к женщине, взял её за плечи, как добрый утешитель, как друг. Иначе этот жест не истолкуешь.

Коротко размахнувшись, Казакевич ударил Яхонтова кулаком в лицо. Когда та отлетела в угол комнаты, прошел в прихожую, впустил в квартиру ждавших на лестнице трех азербайджанцев. Он показал пальцем на лежавшую в углу комнаты женщину.

– Начинайте.

* * * *

Вперед выступил бригадир Валиев. Он встал на колени перед Яхонтовой. Бритая налысо голова бригадира отразила свет коллекционной люстры. Он стянул с женщины джинсы и трусы.

Помощники сорвали темную майку и бюстгальтер. Веревками привязали руки к батарее отопления, а щиколотку левой ноги к серванту.

Яхонтова пришла в себя, закричала. Она пыталась отбиться от мужчин одной свободной ногой. Азербайджанцы смеялись. Валиев сходил на кухню принес длинный провод от электрического чайника. Усевшись на диван, он удалил обмотку с конца провода. Затем надел прорезиненные перчатки, закрывающие предплечья по самые локти. Он встал на колени и вставил штепсель в розетку.

– Раздвигай ей ноги, – скомандовал Валиев.

Казакевич сидел в кресле и задавал вопросы. Яхонтова скрипела зубами, до крови кусала губы и извергала потоки ругательств.

– Ублюдки, твари. Не трогайте меня... Господи... Господи, что вы делаете, твари? Ублюдки...

Казакевич не боялся шума и криков. На площадке кроме двери Яхонтовой ещё одна дверь. Проверено, что нижние соседи в отъезде. Дом старой постройки, с толстыми стенами и межэтажными перекрытиями. Тут хоть спевку хора имени Пятницкого устраивай, едва ли кто услышит.

Разумеется, Казакевич предпочел бы не смотреть на истязание женщины. Он не садист и не поганый извращенец, он не ловит кайф от таких зрелищ. Но присутствие Казакевича было более чем желательно. Азербайджанцы не знают всех нюансов дела. Они могут не придать значения словам Яхонтовой, неправильно их истолковать.

Яхонтова тонко вскрикивала, дергалась от ударов электротока.

– Сволочи, я беременна. Я на четвертом месяце. Грязные азерботы. Суки поганые.

– Ты беременна, – обрадовался Валиев. – Это хорошо. Ну, это хорошо... Умница, что сказала.

Он отволок в сторону электропровод, на карачках подполз к Яхонтовой, низко наклонился над ней. И вчас поцеловал в губы.

– Поганая тварь, – плевалась словами Яхонтова. – Что б твоей матери руки оторвало. И ноги. И то место, которым она тебя, срань такую, рожала.

Валиев стал давить коленом на живот Яхонтовой. Что-то хрустнуло. Через две-три минуты в уголках рта закипела малиновая пена. Яхонтова больше не ругалась, она тяжело с хрипотцой дышала, будто в груди насверлили дырок. Выплывала на голую грудь розовую мокроту.

– Переверните её на живот, раздвиньте ноги и так держите, – приказал Валиев.

Стоя на коленях, он расстегнул ширинку и спустил штаны.

Казакевич прикрыл глаза ладонью. Но не смог усидеть на месте, вышел из комнаты, прошел по длинному коридору, сел на бортик ванной. Лишь бы сейчас не блевануть. Попив холодной воды из крана, стал с усилием сглатывать вязкую солоноватую слюну, стараясь вспомнить о посторонних приятных вещах.

«А эта Яхонтова, наверное, в постели ничего, – думал Казакевич. – Такая миниатюрная женщина. Приятно её повертеть, такую горячую. Темперамент выдает румянец на впалых щеках. Тимонина можно только поздравить с находкой».

Казакевич тут же поправил себя. Поздравлять Тимонина уже не с чем. Сейчас Яхонтова не в форме, в таком виде она не нужна пьяному извозчику, и никогда уже не будет никому нужна. Если даже оставить её в живых, жалкий огрызок жизни Яхонтова проведет в инвалидной каталке.

Тошнота немного отступила. Казакевич с наслаждением вздохнул полной грудью, достал из кармана сигареты. Он сознательно тянул время, в комнату возвращаться не хотелось. Сюда в ванную доносились слабые стоны и невнятное бормотание. Яхонтова уже не могла говорить. Бесплезная жертва, бесплезная мучительная смерть.

Казакевич вышел из ванной, встал в дверях комнаты.

– Все, хватит. Кончайте с ней.

– Понял, – Валиев подтянул штаны, застегнул ширинку.

Один из его помощников выдернул вилку из розетки. Просунув оголенные провода глубоко в горло женщины, он обмотал нижнюю челюсть клейкой лентой. Затем снова сунул штепсель в розетку. Запахло паленым мясом. Голое тело изогнулось в дугу, вытянулось во всю длину, снова изогнулось. Мелко задергалось. Затряслась посуда в серванте.

Казакевич отвернулся, к горлу опять подступила тошнота.

– Я уйду, – Казакевич сел на табурет и стал зашнуровывать ботинки. – Избавьтесь от трупа, уберите тут все, чтобы чисто было. Она должна просто исчезнуть. Ясно?

– Так точно, – отрапортовал Валиев.

Помощник бригадира, молодой парень с красивыми вьющимися волосами, полез в спортивную сумку, достал ножовку и сапожный нож. Когда Казакевич закрывал за собой дверь, помощники Валиева уже волокли тело Яхонтовой в ванную комнату.

Казакевич, не заезжая в офис, отправился домой. Там его ждал брат жены Петр, дремучий провинциал из Тюмени. Родственник владел несколькими строительными фирмами, получал за взятки хорошие подряды, но в Москве ориентировался, как слепой котенок в чужом доме. Казакевич обещал показать Пете вечернюю Москву.

– Что-то ты бледный, – Петр похлопал Казакевича по плечу. – Устал?

– Устанешь тут, – пожаловался Казакевич. – Но наша договоренность в силе. Я вызвал машину. Сейчас покажу тебе места, где можно вкусно пожрать. И дешево потрахаться.

* * * *

Поездка на угнанных «Жигулях» оказалась не самым приятным путешествием в жизни Тимонина. Он хорошо запомнил дорогу на Черниховку и теперь находил путь без помощи карты. Однако над горизонтом стелился голубоватый дымок, в горле першило.

Сам не зная того, Тимонин гнал машину напрямик в эпицентр лесного пожара, бушующего третью неделю на границе Тверской и Московской областей. Огонь захватил площадь в шестьдесят гектаров и продолжал поедать лес и торфяные поля. Съехав с асфальтовой трассы на двухрядную асфальтовую дорогу, Тимонин прибавил газу. Впереди километров пять приличного асфальта, а дальше грунтовка, на которой «жигуль» не разгонишь. Впрочем, гнаться не за кем, да и видимость из-за дыма неважная.

Тимонин издали заметил «Москвич» дорожно-постовой службы, стоявший поперек пустой дороги, двух милиционеров, расхаживавших по обочине. Несколько мгновений Тимонин боролся с соблазном сделать быстрый разворот на сто восемьдесят и рвануть в обратную сторону. Он соображал слишком долго, драгоценное время для поспешного бегства было упущено. Черт с ним, решил Тимонин, раз бумажник с деньгами оттягивает карман пиджака, к чему бегать от милиции?

Старший по званию лейтенант Лыков шагнул на проезжую часть, сделал отмашку полосатым жезлом. Тимонин затормозил, «Жигули» остановились в двух метрах от лейтенанта. Лыков подошел к машине, наклонился к водителю. Тимонин опустил стекло. Милиционер не почувствовал водочного духа, исходившего от Тимонина, спиртовые пары почти без остатка поглощал едкий дым, который к вечеру сделался ещё гуще, ещё тошнотворнее.

– Вы видели щит на повороте? – спросил лейтенант.

– Видел, – кивнул Тимонин.

– А надпись прочитали?

– Надпись? Не прочитал, – признался Тимонин. – Быстро ехал.

– Надо читать такие вещи, – вздохнул Лыков. – Для вас же, для водителей поставили щит, а вы не читаете. Пожары... Во всех газетах только об этом и пишут.

В эту секунду Тимонин дыхнул в самый нос склонившегося над ним лейтенанта, но тот снова не услышал перегарного духа. Лыков простоял на развилке дорог уже пятый час, неукоснительно выполняя инструкцию: выезд в район закрыт для всех, кроме служебных автомобилей с разрешениями, оформленными в администрации области, выезд – будьте любезны. От жары, духоты и дыма голова кружилась, сдавливало металлическим обручем виски. «Блин, ещё пару дней на этом посту, и я тут стану законченным токсикоманом или просто сдохну», – думал Лыков.

Кроме того, мысли милиционера были далеко от его поста. Лыкова больше занимали перипетии семейных неприятностей, свалившихся на его голову. Неделю назад от лейтенанта к повару коммерческого ресторана ушла любимая жена, забрав с собой единственного ребенка и кое-что из имущества. И теперь, на этой пустынной дороге в обществе туповатого сержанта Захаренко, Лыков чувствовал себя всеми брошенным и одиноким, как банный лист на чужой голой заднице.

– Вот как? – переспросил Тимонин. – Пожары?

– Горят значительные лесные массивы. Администрация запретила въезд на данную территорию частных автомобилей. Во избежании...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.